

ПЕРВЫЙ ДОПРОС ДЕДА МОИСЕЯ

22 октября 1937 года

Ст. уполномоченный, лейтенант госбезопасности Санчук допросил в качестве обвиняемого Коц Моисея Израилевича.

Род занятий: крайздрав, краевой государственной санитарный инспектор и ассистент кафедры сангигиены Хабаровского мединститута.

Отец: владелец ювелирного и часового магазина в Харбине.

До революции: учащийся, жил на иждивении родителей.

После революции: служащий.

Состав семьи: Коц Сара Абрамовна, главврач родильного дома в Хабаровске и зав. акушерской школой, сын Александр, десять лет.

Образование: высшее, окончил медицинский факультет Томского университета в июне 1922 года.

В партиях не состоял.
Не судим.

Служба в Красной армии (когда и в качестве кого): с шестого января по апрель 1920 года служил в РККА инструктором-дезинфектором.

Служба в иных и к/р армиях: с сентября по декабрь 1919 года служил в армии Колчака во Втором Уфимском кавполку в качестве фельдшера полкового околотка.

Сведения об общественно-политической деятельности: член месткома Крайздрава.

ВОПРОС: Когда и каким путем ваш отец бежал за кордон?

ОТВЕТ: В 1918 году мой отец бежал из Уфы от красных в Харбин. *(На самом деле в марте 1919 года)*. До революции отец в Уфе имел магазин часов и ювелирных вещей. Прибыв в Харбин, отец открыл такой же магазин часовых и ювелирных изделий. Одновременно был представителем фирмы «Женева» или «Лонжин».

ВОПРОС: Где проживают ваши остальные родственники?

ОТВЕТ: Брат Борис Коц проживает в Харбине с отцом, участвует в деле отца. В период с 1919 по 1923 год проживал в Льеже, где учился *(сбоку карандашом дописано «в Бельгии»)*. Вместе с ним была сестра Полина Зелаковская, в данное время она проживает в Шанхае, врач. В Льеже она окончила мединститут. Другой брат, Лев Коц, также проживает у отца в Харбине.

ВОПРОС: У вас еще есть родственники за границей?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: Назовите места проживания ваших остальных родственников?

ОТВЕТ: Сестра, Жарковская Фаня, проживает в Ленинграде, Фонтанка, 18, машинистка какого-то предприятия. Муж, Жарковский Илья, член ВКП (б), жил в Свердловске, был замдиректора индустриального института. Тетка, Мусина Дарья

Ефимовна, проживает в Костроме, вдова, находится на иждивении детей.

Тетка, Лейбчик София Михайловна, проживает в Москве на Петровке, 27, кв. 67, находится на иждивении сыновей.

Тетка, Шоловицкая Роза, проживает в Куйбышев по Советской улице, дом 102.

Тетка Гельфанд Мария Самуиловна, учитель.

ВОПРОС: С кем из указанных родственников переписывался Ваш отец?

ОТВЕТ: С Шоловицкой Розой. Знаю, что в начале 1937 года она получила от моего отца письмо.

ВОПРОС: Вы с отцом ведете переписку?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: Следовательно, о своих родственниках, проживающих в Харбине, Вы получали сведения от родственников, проживающих в СССР?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Вы сами какой период провели в Харбине?

ОТВЕТ: В 1921 году июль и август месяца.

ВОПРОС: Каким путем Вы выехали в Харбин и цель Вашей поездки?

ОТВЕТ: В Харбин я выехал из Томска, был в то время учился, с разрешения Сибревкома и китайского консульства в Чите с целью отвезти в Харбин к отцу брата Льва и сестру Фаню.

ВОПРОС: Когда ваша сестра Фаня возвратилась из Харбина в СССР?

ОТВЕТ: В 1922 или 1923. Возвратилась она с целью продолжения образования.

ВОПРОС: Чем Вы занимались в Харбине?

ОТВЕТ: Работал пом. врача в Харбинской городской амбулатории.

ВОПРОС: Почему Вы возвратились из Харбина в СССР?

ОТВЕТ: Имел в виду закончить учебу в мединституте.

Так в мою жизнь, мама, вместе с иезуитскими вопросами следователя Санчука вошел Харбин. Удивительный город, построенный в конце XIX века русскими строителями Китайской Восточной железной дороги. Много раз переходивший из рук в руки — русские, китайские, японские — и ставший приютом самой трагической российской эмиграции. Подаренный правительством СССР китайцам в 1950 году. И свято хранивший русские

могилы до 1968 года, пока их не разгромили хунвэйбины...

*Милый город, горд и строен,
будет день такой,
что не вспомнят, что построен
русской ты рукой...*

Это пророчество поэта-харбинца Арсения Несмелова, кавалера четырех орденов Первой мировой войны и белого офицера Гражданской. Одного из тысяч эмигрантов, арестованных в 1945 году советскими воинами-освободителями; вывезенного в теплушке из Харбина в СССР и скончавшегося от инсульта на пересылке в Гродеково. Он оказался прав: на уроках истории нам не рассказывали о городе, где по Ямской сновали рикши, а крестный ход заполнял на Пасху китайские улицы и подворья русских храмов...

Чем-то невыразимо щемлящим веет от слова «Харбин». От русских лиц на фоне иероглифов, от китайских — на фоне «Блинных». И даже от этого странного ударения, которое не смогут объяснить филологи. А только глаза тех, кто ходил по скрипучим харбинским тротуарам. Только строчки забытых поэтов, приговоренных томиться, спиваться, умирать вдали от Родины...

*Грустим о Северной Пальмире,
Но грусть о ней не так сильна,
Когда с изгнанием горьким мирит
Русейший облик Харбина...*

Я знаю, мама, что к прадеду Михаилу и его детям, носившим мою фамилию, меня привел не следователь Санчук. Это сделал волшебник Харбин. Только доброму волшебнику по силам оторвать теплый уголек на пепелище трех революций и двух мировых войн...

Через три месяца после похода на Лубянку я услышал в телефонной трубке возбужденный голос Тэдди Кауфмана: «Игорь, я вам скажу. Конечно же, ваш прадед — это Михаил Коц! Израиль-Михаил Коц! Он был казначеем еврейской общины в Харбине». Я задал дурацкий вопрос: «Вы что, о нем слышали?» В ответ трубка негодующе взорвалась: «Послушайте, я вам скажу! Я с ним много лет вместе работал!»

В тот же день я заказал билет в Тель-Авив. И полетел на встречу с прадедом Михаилом, чей худющий внук добивался твоей любви отчаянно и безнадежно...

ТАНЯ ТЕРЕШЕНКОВА: СОПЕРНИКИ

Из студенческого дневника

7 января 1950 года

Когда я предупреждала Сашку, чтобы он не выпил лишнего, он говорил мне, что пьянеет только тогда, когда у меня плохое настроение. И, действительно, ребята все были в этот вечер под газом, а он был абсолютно трезв, потому что я была веселая. Саша, милый, славный Саша! Сколько раз меня поражало в нем это неутомимое горение любви.

Когда я была рядом с ним, он никогда не был скучен или равнодушен. Он всегда горел одним пламенем, в нем чувствовался какой-то большой праздник. Он мрачнел только тогда, когда становилась грустной я. А я обычно становилась грустной, когда особенно остро чувствовала, как недолго-вечно его счастье.

Еще мне в этот вечер запомнился один эпизод: Мишка Бланков, Вовка Кашевский, Аркадий, Милка и Нина расположились на кровати (это уже после вечера). Мы с Сашкой только что вошли из столовой.

Я остановилась возле кровати и что-то такое сострила насчет лежавших на ней. Вдруг Саша подошел сзади и обнял меня за плечи, крепко, крепко. Я попыталась вырваться, но не смогла. Я уже давно заметила, что Саша бывает более или менее смел только при присутствующих.

Наедине со мной он даже не прикасался ко мне. Тогда Мишка, глядевший на нас, кажется, с одобрением, вдруг спросил: «Танюша, а интересно, Сашка хоть раз поцеловал тебя?» Я принялась дубасить его, а, когда Саша вышел, ответила: «Нет». — «Вот же иш...»

Край листа оторван. Наверняка Мишка его «ишаком» назвал.

Потом еще инцидент: я уже стала надевать катанки, чтобы идти домой, а Мишка решил поухаживать за мной (вообще, я замечала, что он смотрел иногда на меня уж слишком задумчиво) и стал отбирать туфли, чтобы самому их завернуть. Я не давала, и этот коренастый, милый (впрочем, довольно изящный) медведь чуть не сломал мне палец.

Я даже расплакалась. И тут Саша, рассудительный и спокойный Саша, взял мою руку и стал так безумно целовать мой паль-

чик, что у меня даже слезы высохли. Так целует только мать, если ее ребенок ударится.

7 апреля 1956 года

Я поняла, что мама собирается ехать сюда на той неделе. Правда это? Я, конечно, рада видеть маму в любое время. Но не лучше ли приехать потом, чтобы посмотреть на внучонка? А то еще я окажусь в это время в больнице.

На той неделе ехать и впрямь рано-вато. Я появлюсь на свет через двадцать три дня. Еще один дефицитный пацан из выбитых и разметенных по всему белому свету Коцов...

20 июня

Снова в Комсомольске

Здравствуйтесь, дорогие наши!

Наконец-то выбрала время написать Вам. Помогло то, что нынешнюю ночь я более или менее выпалась. Сейчас дети спят после обеда, а я пишу.

Все мы здоровы, только Саша сильно загорел в подшефном совхозе и сейчас весь в волдырях. Ты, мама, права, я таки справляюсь с делами.

Правда, натаптываюсь за день, но успеваю делать все, включая и стирку. Квартира побелена хорошо, чистая. Все расстелила, развесила в первый же день (Саша не работал, помогал), и Сашка никак не мог насладиться наступившим в квартире уютом.

Наташа на глазах становится такой самостоятельной, что просто диву даешься. Но надо сказать, что улица оказывает свое влияние.

На днях, поиграв полдня с большими девчонками и почувствовав себя тоже взрослой, она заявила мне: «Врешь», когда я сказала ей, что тапочки надеты у нее не на ту ногу. А сама смотрит на меня с любопытством и интересом: что я скажу? Затем села есть, начала пялиться, я ей сделала замечание, а она заявляет: «Вот пойду и найду себе другую маму и папу». Я вообще-то была несколько ошарашена этим. Спокойно сняла ее со стула, надела пальтишко, подвела к двери: «Иди, ищи». Как подняла она вой: «Ой,ними пальтишко». Пришлось снять. «Ой, посади скорей на стульчик». Посадила. «Мамуля, пожалей меня...» Ну, пожалела,

конечно, и втолковала ей, что другой мамы не найти.

Она очень любит Игоря. Послушали бы, как причитает: «Обписался, маленький? Ну, так и надо, так и надо, крошечка», и т.д. Игорь стал толстеньким, здоровым мальчиком. Спокойный вообще-то, но бывают дни, что ему не спится, и тогда я начинаю нервничать. Но вообще-то ему приходится покричать, пока я не доделаю дела. Что плохо, это то, что в эти дни я без толку ругаю Натку. Сама это сознаю, даю слово не делать, а все же промахиваюсь. Но миримся мы с ней очень быстро: и она, и я не можем жить в ссоре. Мордашка у него славенькая, но на кого похож, неизвестно. Пожалуй, мой.

30 июня

Саша молодец, хорошо помогает. На работе у него все в порядке. Но что-то много здесь смертных случаев. Не успели мы приехать, как повесился в пьяном виде машинист. Затем между вагонами раздавило сцепщика.

А вчера ночью так вообще: в два часа звонят, зарезало паровозом солдата. Едва уснули, снова звонок: крушение! Правда, не из Шашиного депо паровоз, и не Комсомольский участок, а Мулинский. Но случай из ряда вон выходящий: разнесло в щепы паровоз и вагоны (грузженный товарняк). Погиб машинист, помощник машиниста и главный кондуктор. А кочегар и поездной вагонный мастер остались живы, правда, с переломами, ожогами и сотрясением мозга. Пока прибыл восстановительный поезд, достать их не могли, хоть и видели под обломками. И что характерно: поезд вели два паровоза. Так первый остался на путях, цел и невредим, а второй и десять вагонов разнесло в щепки. Причина пока не ясна. Прибыл сразу же нач. дороги. Саша вчера с пяти часов утра и до вечера был там, а вечером прибежал, переоделся и уехал в Хабаровск.

4 сентября

Наталка сегодня первый день в детсаду. Игорь остался дома с тетей Тасей. Тетей я довольна, очень чистоплотная, честная, а главное, любит Игоря. Пол подтирается раз пять за день, кастрюли сверкают, белье выстирано чисто. Что плохо, это то, что она все переживает свое положение домработницы. Всю жизнь она работала няней в больницах, а тут оказалась няней в доме. Но это ладно: она ноет, а я молчу себе. Уживаемся мы с ней хорошо...

А до чего хорошо Натка с Игорьком разговаривает: «Махочка моя родная, сыночек мой, сейчас сестренка тебе игрушки покажет». Наташит ему гору игрушек, а он улыбается! Как котята.

6 октября

Саша позавчера вечером ходил на водоборьбу: прорвало плотину на Амуре и городу грозило затопление. Были брошены на борьбу все предприятия города и очень быстро плотину восстановили. А я с 8/Х-56 г. буду работать на участке.

Наташа с каждым днем все взрослее, хотя вид у нее кукольный и шепелявит еще изрядно. Тем забавнее ее «взрослые» высказывания. Идем с ней на днях в садик, торопимся на зарядку, а ей тяжело в ботах на туфли. Бежала, бежала за мной, а потом с досадой говорит: «Ну, зачем ты напялила на меня эти боты, слышишь?» Вчера они с детсадиком ходили в цирк. Столько рассказов: «Мы были в концерте, который называется цирк. Там был клон. Такой бесстыдник, все время плачет. Большой, а плачет». А вечером за столом вдруг выразилась «гадина» (по адресу стула), за что Саша, сделав над собой известное усилие, хлопнул ее по губам. Реву, конечно!

Первое свидетельство об участии отца в воспитательном процессе. И, скорее всего, последнее. Педагоги из вас были никудышные: вы не читали нам мораль и не лупили ремнем за шкоды. Зато мы слышали, как отец кричит по ночам в трубку на неведомых разгильдяев, срывающих плановый выход локомотивов на линию. Мы привыкли, что поздно вечером ты бежишь к соседям, у которых заболел ребенок. Мы замечали, как утром отец, уходя на работу, целует тебя на пороге. Не было никакой педагогики. Мы просто смотрели на вас.

27 октября

Саша сегодня встречает начальника дороги. К празднику им опять вручено Красное знамя горкома КПСС. С институтскими занятиями дело приостановилось: нет, конечно, времени. Хотя он уверен, что все сделает. На днях приволок в воскресенье вечером компанию поиграть в преферанс, а я их выставила, так как спать ложимся в 9.30, и я хоть немного высыпаюсь с вечера. На этой почве мы с ним немного поссорились, но очень быстро и помирились, так как пришли к выводу, что виноваты оба.

Я — что «выгнала» гостей, а он — что пригласил их на вечер, хотя знает, что Игорь спит безобразно, а мне завтра на работу. Какие уж тут гости? Слушаем радио, как и Вы, конечно. Мало приятного, что происходит в Венгрии. Видимо, действительно, терпеливее русских нет. А политика наша не везде применима и незачем было навязывать ее.

Вы слушали, конечно, заявление Хрущева: «Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французских империалистов. Они поймут как нашу слабость и будут наступать».

В Венгрии уже несколько дней тлеет революционное восстание. Но через неделю, пятого ноября 1956 года, сюда решительно войдут советские войска под командованием маршала Жукова, и все встанет на свои места. Две тысячи шестьсот пятьдесят два погибших и девятнадцать тысяч двести двадцать шесть раненых с венгерской стороны, шестьсот шестьдесят девять и тысяча пятьсот сорок — с нашей. И четвертая звезда Героя Советского Союза на груди Георгия Жукова — «за подавление венгерского контрреволюционного мятежа»...

Через много лет Высоцкий безбоязненно прохрипит на всю страну: «Занозы не оставил Будапешт, и Прага сердце мне не разорвала...» А в 1956-м твоих аполитичных слов не услышал никто, кроме бабы Вари и деды Симы. Но они уже необратимо по-

летели, первые свободные слова, над подворотнями, лагерями, коммуналками, над сидевшими и сажавшими. В интересное время я вылутился на свет!

1 ноября

Сегодня нашему канительщику исполнилось шесть месяцев. По этому поводу я решила купить вина, и вечером мы выпьем за его здоровье. Ночь сегодня он опять спал плохо, и я решила начать поить его бромом.

Если раньше я с ним ночами справлялась одна, то теперь поднимаемся все трое по очереди, ибо я, видимо, уже измоталась. В общем же, парень хороший. Плакать он вообще не плачет, но разговаривать по ночам мастер, да еще басом. А встанешь к нему, он приветствует самой приветливой улыбкой, как тут сердиться? Днем же улыбается направо и налево, правда, лишь в том случае, если с ним ласково заговорят.

Но стоит с сердитым видом поругать его, он долго и внимательно смотрит, а потом как заплачет! Видно, он характером в Сашу: спокойный, невозмутимый. А ночами Саша тоже плохо спал в детстве.

Энкавэдэшники дважды приходили с обыском в Рафаиловский переулок. Я не знаю, какой в этом смысл; крохотную квартиру можно было перетрясти за час. Мог ли после этого спокойно спать десятилетний мальчишка...

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА 21 ОКТЯБРЯ 1937 ГОДА

Опись вещей, ценностей и документов

1. Паспорт на имя Коц Моисея Израилевича за № 253354 сер. УЖ.
2. Профбилет за № 205811.
3. Справка о сдаче военного билета в Хабаровский моб. округ.
4. Открытый лист гос. санинспектора.

5. Разная переписка на 27 листах.
6. Денег 200 руб. (двести).
7. Часы ручные (металлич.).
8. Ручка автоматическая.

Жалобы на неправильности, допущенные при производстве обыска, на пропажу ценностей и документов — НЕ ЗАЯВЛЕНО.

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА 22 ОКТЯБРЯ 1937 ГОДА

Опись вещей, ценностей и документов

1. Удостоверения за 18, 21, 24, 25, 37 г.г.
2. Алфавит адресов — 17 листов.
3. Разные фотографии — 5 шт.
4. Разная переписка — 7 листов.

Жалобы на неправильности, допущенные при производстве обыска, на пропажу ценностей и документов — НЕ ЗАЯВЛЕНО.

В протокол все занесено правильно, таковой нам прочитан в чем и расписываемся:

Представитель домоуправления —
ГОРШЕНИНА
Производивший обыск —
РОСПИСЬ.
Копию протокола получил —
РОСПИСЬ.

СПРАВКА

Личные документы, паспорт, профбилет, справка о сдаче военного билета оставлены в 8 отделе УГБ. Начальник 8 отдела УГБ. Роспись.

14.2.38 г.

С обысками чекисты спешили: давил план. А вот посмертную справку-опись подготовили с трехнедельным опозданием. Видно, зашивались с отчетностью.

Моисея расстреляли еще двадцать первого января 1938 года в подвале НКВД на улице Волочаевской. В двух кварталах от хабаровской школы №5, где в тот день его сыну, десятилетнему Саишке, рассказывали про очередную годовщину смерти великого Ленина, друга и защитника людей труда. Может быть, ироничный Миня усмехнулся, представив это в свою последнюю минуту. Может быть, вспомнил отца, владельца харбинского магазина «Женева» на углу Китайской и Ямской, — где-то он сейчас...

Я расскажу, деда Миня.

«Председатель правления Еврейского народного банка М. М. Коц выехал в Дайрен...»

«Правление Главной Синагоги сконструировано в следующем виде: председатель М. М. Коц...»

«М. М. Коц вновь в попечительном совете Харбинского дома для престарелых евреев...»

Июнь 2011 года, Тель-Авив, я сижу в офисе Общества евреев-харбинцев и выписываю эти строчки из подшивки газеты «Еврейская жизнь» за 1937 год.

А напротив меня сидит человек, работавший в харбинской общине. И каждый день видевший ее зампреда, моего живого прадеда Михаила, 1875 года рождения, щедро нагруженного общественной работой...

— Тэдди, — спрашиваю я, — неужели он никогда не говорил о старшем сыне Моисее, оставшемся в СССР?

Для Тэдди Кауфмана мой вопрос — нож по сердцу. Он почти сорок лет возглавляет общество харбинцев-евреев, которое основал его отец Абрам Кауфман. Тоже сталинский узник; Кауфмана-старшего вероломно, как многих, пригласили в 1945-м на праздничный банкет по случаю освобождения Харбина от японцев. И отпустили через пятнадцать лагерных лет. Мой прадед был правой рукой Абрама...

Тэдди обладает несметной информацией о тысячах харбинцев, мертвых и еще живых, он сыплет наизусть именами, датами и сюжетами. Но мой вопрос ставит его в тупик.

— Я вам скажу! — возбужденно говорит Тэдди. — Я не был в дружеских отношениях с Михаилом, у нас большая разница в возрасте. Но я был очень близок с его сыном Борисом, получается, братом вашего деда. Мы много десятилетий дружили семьями. И никогда — послушайте, я вам скажу — они даже не упоминали о каких-то родственниках в Союзе. Никогда!

— Боялись навредить Моисею?

— Послушайте, а вы как думаете?!

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРВОГО ДОПРОСА ДЕДА МОИСЕЯ

22 октября 1937 года

ВОПРОС: Назовите фамилии ваших близких знакомых по Хабаровску.

ОТВЕТ: 1. Забавников Алексей, врач малярной станции, в данное время призван в армию, проживает по ул. Шевченко, дом 3.

2. Добрусин Яков, обл. гос. санинспектор, проживает по ул. Дзержинского, номер не помню, во дворе Снабосоавиахима.

3. Нейштат Абрам Иосифович, быв. директор института эпидемиологии и микробиологии, арестован. Был у них в доме два или три раза.

4. Гинзбург Сергей Михайлович, быв. краевой гос. санинспектор, арестован. Слы-

шал, что его сестра троцкистка. Гинзбург один-два раза в месяц бывал у меня.

5. Гранит Натан Давидович, быв. краевой эпидемиолог, арестован.

Знакомы по службе.

6. Кассович Генрих Яковлевич, быв. инспектор лечебного подотдела Крайздрави, арестован. Знаком по службе.

7. Молдаван Борис, быв. зам. директора ДВИОМ, арестован. Знаком по службе.

8. Пржелрыш (*неразборчиво*) Ярослав Иосифович, быв. главврач Хабаровской горбольницы, арестован. Знаком домами.

ВОПРОС: Вы всех назвали своих близких знакомых?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: Назовите остальных.

ОТВЕТ: Вспомнил: 1) Виленского Марка Моисеевича — зам. уполномоченного всесоюзной гос. санинспекции.

2) Васильев Борис Васильевич, глав. бух. крайздрава.

ВОПРОС: Вы всех назвали?

ОТВЕТ: Да, всех.

Показания записаны верно и мной прочитаны. М. Коц

Допросил лейтенант Л. Санчук

В момент ареста твой свекр, мама, был аспирантом Хабаровского медицинского института. Он мог бы в 1949 году принимать у тебя зачеты по сангигиене. Или даже госэкзамены в 1951-м, став к тому времени профессором.

Если бы Сталин не убил Моисея в тридцать восьмом, у тебя была бы немножко другая зачетка. И совсем другая страна. Вот только и семья наверняка была бы другая.

5 ноября

Вчера ходила на вызов мимо больницы, где лежат заключенных. И как раз подвели группу. Окружены бойцами с автоматами и еще бойцами с собаками. Подвели к воротам и устроили им перекличку. А на воротах написано «Приемный покой». Вот уж действительно «покой»! Окружает больницу высокий забор, а по верху электрическая проволока на фарфоровых изоляторах. Преступники одеты неплохо: новые ватники, ушанки и сапоги. Я даже надела очки, а они на меня воззрились с любопытством.

Может, ты пытаешься, растерянно нацепив очки, разглядеть в эзковском строю тень веселого свекра?

Может, это сам Моисей Коц с любопытством смотрит на невстреченную невестку сквозь морозную дымку лет?

В 2008 году, прилетев в Хабаровск, я пришел к тебе, отцу и бабе Варе. Поставил в вашей оградке справа от входа на кладбище. А потом, будто что-то толкнуло, подошел к новеньким, недавно установленным стелам со списками репрессированных — слева.

И сразу уперся в строчку: Коц М. И. Моисей Израилевич.

У его отца Михаила Коца было двойное имя: Израиль-Михаил.

С этого, мама, и началась моя книга. Пора признаться: я всего лишь хотел опубликовать твои письма. Выполнить сыновний долг. Сохранить в памяти внуков и правнуков тебя с отцом и ваших родителей. Наташу. Себя немножко. Не меньше, но и не больше.

Но едва я начал перепечатывать письма, что-то неумолимо повело меня в сторону от замысла. Все новые и новые дороги стали уходить влево-вправо. Все новые дорогие наши — неожиданно-негаданно напоминать о себе. И со всех сторон обступать меня.

Скажешь, мистика? Назавтра Ирина Полникова и ее поисковики рассказали мне, что под мемориальными плитами, в шести огромных рвах, вместе с дедом Миней закопаны вповалку больше двенадцати тысяч человек. Дед лежал здесь семьдесят лет, рядом с главным входом на кладбище, через который много раз проходили и баба Сара, и мой отец. Его жена и сын. И каждый раз он звал их беззвучно...

А услышать выпало мне.

ВТОРОЙ ДОПРОС ДЕДА МОИСЕЯ

2 декабря 1937 года

ВОПРОС: Следствие известно, что Вы являетесь членом контрреволюционной организации, вели активную борьбу против Сов. власти.

Дайте по существу показания.

ОТВЕТ: Я это отрицаю.

ВОПРОС: Вы изобличены. Намерены дать правдивые показания.

ВОПРОС: (сержант Новиков устал, путает вопросы и ответы).

Контрреволюционной работой, направленной против Сов. власти, не занимался.

ВОПРОС: Следствие по Вашему делу закончено. Что имеете добавить по существу предъявленного обвинения.

ОТВЕТ: Больше добавить ни чего не могу. С моих слов записано верно. Больше добавить ни чего не могу, в чем распишусь. (Может быть, измученно хмыкнул в последний раз весельчак Миня, читая безграмотные каракули сержанта госбезопасности...)

Подпись

М. Коц

Допросил пом. оперуполномоченного 3 отдела сержант гос. безопасности Новиков

Дед ничего не подтвердил. И не признал. Чего это стоило ему, мы никогда не узнаем. На его последней фотографии штамп «1938», значит, она сделана за две-три недели до расстрела. Лицо деду измучено. Били.

— Почему нет показаний тех, кто его сдал? — спросил я людей, показавших мне

дело №19456. — Ведь наверняка были доносы? — По харбинским делам не требовались доносы, — объяснили мне вежливые лубяньские женщины. — Слово Харбин было синонимом расстрела.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по след. делу 19456 по обвинению Коц Моисея Израилевича

3 декабря 1937 года

Я, Пом. Оперуполномоченного 3 отдела УГБ НКВД по ДВК сержант Госуд. Безопасности — **НОВИКОВ**, рассмотрев 1 декабря 1937 года следственное дело по обвинению бывш. харбинца Коц Моисея Израилевича, 1899 года рождения, уроженец гор. Уфа, Баш. СССР, место жительства гор. Хабаровск, Рафаиловский переулок №4

УСТАНОВИЛ СЛЕДУЮЩЕЕ:

Сын белоэмигранта, владельца крупного ювелирного магазина в Харбине. Отец КОЦ в 1918 году во время наступления Красной армии на Уфу бежал в Харбин. В 1921 году Коц М. И. ездил в Харбин и в том же году вернулся обратно в СССР. Отец и два брата белоэмигранта проживают в гор. Харбине, сестра белоэмигрантка проживает в Шанхае. До последнего времени через третьих лиц поддерживал переписку с Харбином. В 1919 году служил в армии Колчака. В Хабаровске был связан с агентом Германской разведки Нейштаг и участниками диверсионной организации Гранит и Гинзбургом.

Изложенное подтвердил.

Следственное дело по обвинению Коц Моисея Израилевича направить на осуждение в ГУГБ НКВД СССР, согласно приказа №593.

**П/ОПЕР.УПОЛНОМОЧЕННЫЙ
3 ОТДЕЛА УГБ УНК ВДД ВК— СЕР-
ЖАНТ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ
/НОВИКОВ/**

**Утверждаю. Начальник 3 отдела УГБ
капитан гос. безопасности Осмоловский**

Безграмотный сержант Новиков наверняка долгие корпел над своей вычурной, с завитушками росписью — вот и все, что я знаю о человеке, отправившем на расстрел моего деду. Визировавший сержанта капитан госбезопасности Виктор Осмоловский сам был расстрелян в апреле 1938 года, через три месяца после Моисея. А еще через два месяца начальник Управления

НКВД Дальневосточного края комиссар госбезопасности третьего ранга Генрих Люшков, чьи руки по локоть в крови и чья размашистая подпись венчает дедовский протокол, бежал уже от собственной смерти в Китай. Там он будет готовить убийство Сталина, сотрудничать с японцами, в 1945-м получит заслуженную пулю от советского агента в Дайрене (Дальнем)...

Найти следы дедовского поделщика, «агента германской разведки» Нейштагта мне не удалось. Возможно, чекисты взяли директора Хабаровского института эпидемиологии и микробиологии в отдельную разработку — не по «харбинской», а по более престижной «немецкой» линии. И расстреляли позже где-нибудь на Колыме. А вот «диверсанты» Гранит и Гинзбург лежат рядом с дедом в хабаровском рву. Их реабилитированные имена — рядом с его именем на плитах мемориала. Трое несчастных из сорока шести тысяч трехсот семнадцати «харбинцев», которые были осуждены в 1937–1938 годах. Всего лишь трое из тридцати тысяч девятистот девяносто двух приговоренных к расстрелу...

А в какой-то полусотне шагов от братской могилы деду — могила моего отца. В день расстрела Моисея Коца ему было неполных одиннадцать лет. И он всю жизнь ждал, что отец вернется...

Он вернулся. Теперь они с Сашкой снова вместе, на расстоянии короткого любящего взгляда.

И пусть никто не говорит, что так бывает только в книжках.

15 ноября

Наталка с каждым днем все забавней. Я вожу ее на саночках, она спрашивает: «Тебе тяжело возить меня за веревочку?» Отвечаю, что да.

«Давай тогда я веревочку возьму сама, а ты будешь сзади подталкивать». Подъезжаем к дому: «Мама, а дом наш маленький.

Его можно поднять, правда? Папа наш смежет». — «Ну как же? Ведь столько людей в нем живет». — «А когда люди выйдут, тогда поднимет!» Так и осталась при своем мнении. А вечером я ругала Сашу за ротозейство (по поводу подписки на газеты), так она в качестве сочувствия мне говорит: «Когда папы не было, хорошо было, правда?» Я, конечно, заставила ее просить у папы прощения. Она вначале надулась, а затем, когда папа похныкал, попросила.

Погода стоит морозная, много снега везде. В магазинах нет ни сахара, ни масла. А еще очередная «дыра» — это валенки Саше. Здесь нет никакой возможности достать их. Если и появляются в продаже, то свалка за ними невозможная, хотя размер у него неходовой: тридцатый. У меня к Вам просьба, если попадетсЯ, купите. Ходит он в сапогах.

Ни сахара, ни масла, ни валенок. Ни намека на оттепель, ждущую своего близкого часа за заснеженными северными сопками. Холодно, голодно, счастливое время...

26 ноября

Здравствуйте, дорогие наши!

В субботу Саша пришел с работы очень уж рано, сделал массу дел, даже вызвался сбегать за Натальей. А вечером робко попросился поиграть в преферанс. Что тут сделаешь? Отпустила, конечно. Принес мне выигрыш в двадцать пять рублей. Что правда, то правда, он никогда не проигрывает. В воскресенье он ходил в баню, провел четыре часа, а вечером мы ходили в кино на «Крылья». После кино он сел и решил очередную задачу, получив, таким образом, надлежащее удовлетворение от проведенного воскресенья.

Вообще же, папа, должна я тебе сказать, что дочери твоей здорово повезло в семейной жизни. Вчера наблюдала семейную сцену у наших соседей по квартире: она — врач, он — прораб стройки. Напились до безобразия, он ее начал то ли бить, то ли душить. В общем, она так орала, как кричат перед смертью. Дети кричат: «Папа, не надо».

Он тоже что-то кричит. Потом она выскочила, как пуля, и с рыданиями побежала куда-то, а за ней в воздухе повис густой винный запах. И это врач! Вообще, посмотришь вокруг, как мало благополучных семей. Например, м/сестра, с которой я работаю на приеме, говорит, что они с мужем могут поссориться и свободно не разговаривать

два месяца. И на этом фоне наша семья, как оазис, это я делаю смелый вывод.

6 декабря 1956 года

У нас вчера была большая радость: купила Саше на базаре валенки за двести пятьдесят рублей, новые, черного цвета. Считаю, что мне повезло с покупкой. Погода стоит суровая, морозы 30–35 градусов. А вчера на ветру было минус 42. Представляете, на таком морозе да в сапогах! Теперь мне беда с Наткой, каждый раз жалуется, что замерзли пальчики на ручках и ножках.

Да, между прочим, Ваша посылка попала как раз «на зубок»: у Игоря вчера вылез первый зуб. Мальчик хороший, говорит теперь только «тятя», хорошо целуется, то есть, открыв рот, мусолит взрослым щеки и нос.

Вчера принялся мусолить Сашу, а у того щетина на щеках в два сантиметра длиной. Так бедный Игорешка сморщился и даже передернулся весь, наколовшись об отцовские дёбри.

Вчера с утра мы с Тасей развели пельмени ради Саши, который все ходил вокруг и вздыхал. Съел он три тарелки, чем несказанно ошастливил Тасю. Задание Саша еще не сделал. Вчера целый день читал учебники, а к вечеру уселся и сидел до одиннадцати часов, мы уж все уснули.

А наискосок, через Татарский пролив, сладко спит твоя невестка Тая, которой сегодня исполнился год.

1957 год

Павел Евстигнеевич Шалаев — мой прадед по маминной линии.

15 февраля

У нас тут пурга мела шесть дней подряд. Какое-то светопреставление. Саша трое с половиной суток не выходил из депо, там же и спал, и ел. Сугробы намело в три-четыре метра высотой. Мы, например, выходя из дому, поднимаемся по перекладной лесенке на сугроб высотой три метра, а затем проходим по нему и спускаемся на улицу. Наталка уже пять дней не ходит в садик. Рассказывает наизусть «У Лукоморья дуб зеленый», причем говорит: «У коло моря дуб зеленый». Забавная девчужка, спрашивает: «А если вдруг папу застрелят, то кто же нам будет «Огоньки» приносить?..»

У Игоря снизу лезут сразу два зуба, и он совершенно перестал спать и днем, и ночью. Ночью нянчимся по очереди, сначала я до изнеможения, потом Саша, а к утру забирает его Тася. Очень хорошо говорит «тетя Тая», чем приводит Тасю в восторг, хотя говорит бессознательно.

Бессознательно... Десяти месяцев от роду я вычислил имя твоей будущей невестки!

23 февраля

Саша на днях выступил по хабаровскому радио, делился опытом, как рентабельно вести хозяйство. Записано было на пленку, а мы всем семейством, включая и его самого, слушали. Ничего, говорил спокойно, и бас звучал солидно. Набил себе язык в постоянных речах. У меня на работе тоже все благополучно: никто не умирает, и не жалуются...

Игорек растет хорошо, болтлив, как молодой индюшонок, и сдобен, как булочка. Наталка делается очень самостоятельным человеком. Саше читает мораль: «Что за безобразия, поздно домой приходишь? Сказано: приходи утром». Я говорю: «Да не утром, а пораньше вечером». А Саша смеется: «Хорошо, буду приходиться утром».

А сегодня увидела Сашины часы «Победа» на комод, подарок начальника дороги, и говорит: «Папа наш хорошо в своем депо работает, вот ему все и дарят».

На этой фразе тему нашего с Наташкой воспитания можно закрыть окончательно. Мы уже понимаем в своем сопливом детстве, как надо работать, чтобы за это дарили часы. На износ... И никакие уроки труда не научили бы этому лучше.

4 марта

Вчера вечером были на торжественном собрании во дворце культуры. Смотрели спектакль «Аристократы» (по к/ф «Заключенные»).

Понравилось.

Некогда гремевшая пьеса Николая Погодина вернулась на сцену спустя двадцать лет. Уже с новыми партийными декорациями. А фильм-прототип был снят в 1936 году по книге «Беломоро-Балтийский канал имени Сталина» под редакцией Максима Горького: «В расположенный далеко на севере лагерь НКВД прибывает эшелон с

группой заключенных. Среди них вредитель-инженер Садовский (арт. М. Яншин) и отпетый уголовник Костя-капитан (арт. М. Бернес), который становится главарем барака и запрещает всем выходы на работу.

Чекисты начинают упорную и тактичную борьбу за перевоспитание этих людей...»

Еще бы вам не нравились неподражаемые Бернес и Яншин в главных ролях! Только я бы, мама, снял на этом материале другое кино, ничего, как Горький, не сочиняя. Жизнь сама все придумала в 1938 году, когда мой прадед Михаил дважды (я об этом сам прочитал в харбинской газете «Еврейская жизнь») приезжал в Дайрен (Дальний).

Японцы, захватившие этот город в 1931 году, объявили его бесплошной зоной; через дайренский порт шел товар для «Женевы», харбинского магазина прадеда. А кино, мама, в том, что он приезжал в Дайрен по своим торговым делам аккуратно в то время, когда там скрывался от НКВД бывший комиссар госбезопасности Генрих Ляшков. Расстрелявший моего деда Моисея и бежавший из СССР...

Конечно, в настоящем кино белоэмигрант Михаил Коц обязательно встретился бы с комиссаром, убившим его сына. Они случайно столкнулись бы, например, в порту или за столиком в кафе, разговорились, режиссер снял бы диалог отца с палачом на выразительных крупных планах. Но в жизни они даже не оглянулись друг на друга. В жизни Михаил не делился своей угрюмой отцовской душой даже с самыми близкими...

Вот и снова меня уводит от основного сюжета. От душераздирающей студенческой интриги Тани Т. и Саши К., от наших маленьких семейных драм и комедий. Но кто же знал, мама, что так далеко полетят твои светлые письма. Кто ведал, что так стремительно разрастется наша семья.

И я уже не смогу ее представить без харбинца Михаила Коца и его старшего сына Моисея; без Бориса, могилу которого я разыскал в Тель-Авиве; без его сына Самуэля, выдающегося ученого-статистика из штата Мэриленд, и внука Дэвида, борющегося с коррупцией в государственном департаменте США; без моего двоюродного дядьки Александра, которого я нашел в Сиднее; без Полины, которая, как и ты, была детским врачом, — только в Шанхае; без красавицы Фани, не пережившей ленинградской блокадной зимы 1942 года...

Здравствуйте, дорогие наши!

8 марта

Сегодня утром мы подарили Тасе подарочек (духи, крем и платок на голову). Ну, а папа наш подарил маме свое сердце (как всегда): дешево и сердито! А главное, не отнимает времени идти и покупать. Но я разозлилась, пристыдила его и обиделась. Не дорог подарок, дорого внимание. Перед уходом на работу он выудил у меня из сумочки деньги и ушел, опечаленный. Значит, к вечеру надо ждать подарка. Утешает меня то, что и ты, папа, в общем-то, лучший из мужей, тоже стал дарить маме подарки только в последние десять лет, по-моему. Вот так и Саша: не догадывается. Но я его перевоспитаю.

11 марта

Приезжала на днях в больницу Московская комиссия с проверкой по эпидемиологии. В б-це они нашли ряд недостатков, участки наши не проверяли. Но ходили в Сашино депо. И очень его хвалили, в выступлении на собрании представитель сказал, что он еще не видел таких депо, прямо как в сказке. «У меня возникла мысль: вот бы в депо перевести вашу больницу, а сюда депо». Там у них, оказывается, все сверкает белизной и чистотой.

Сегодня мы идем на банкет в столовую, где собираются железнодорожники. Собрали по двадцать пять рублей с носа. А завтра я собираю гостей у себя. Как справедливо заметил Саша, ни один мужской праздник не выливается в такую трехдневную «пьянку».

А мне врезался в память другой его афоризм: «Закусывать шампанское огурцом — это антипартийно!» Это дядька Сашки Бланкова записал вашу совместную новогоднюю вечеринку на магнитофон, а мы втихаря прослушали.

Через много лет я безуспешно искал эту пленку. Не старые анекдоты хотелось услышать, а хриплый смех отца...

17 марта

Сегодня на улице опять пурга. Саша, видимо, вновь ушел на сутки. Посылаю Вам заметку о его работе. Только Вы об этом не пишете, а то он мне голову неснет. У него сейчас начинается горячая пора: девятнадцатого марта в депо будет проходить съезд ремонтников со всей дороги. Будут, конечно, копать. Причем, люди знающие, не то что ревизоры. А в мае в депо открывается подъемочный ремонт. Саша задался целью

выпустить первый паровоз за неделю, хотя надо. дороги дает им целых десять дней. Для этого Саша собирается стать за мастера, заместителя поставить бригадиром, а мастеров слесарями.

Азарт... Кураж... Надежно забытые слова из экономики тех удивительных лет, когда «ворота депо были открыты в вечернее пространство лета — в смутное будущее, в жизнь, которая может повториться на ветру, в стихийных скоростях на рельсах, в самозабвении ночи, риска и нежного тела точной машины» — отец никогда не читал запретного Андрея Платонова, но не глядя взял бы его машинистом в свое депо...

2 апреля

Наше твердое желание ежедневно гулять с Игорем нарушено пургой. Второй день такая заваруха, что с ног сбивает. Вчера я уже работала (после трех дней нахождения на блисте), а Наталка оставалась дома.

Сегодня же пришлось вести ее в садик, несмотря на буран: Тася расплакалась, что она не слушается, грубит и пр. Связался черт с младенцем.

Саша утром шел в отделение и сам повел Наталку. Закутала я ее в «бабиВарину» шаль, в окно смотрю: пошли. Саша шагает метровыми шагами, а она за ним бегом, бедный ребенок.

Помню эту широченную походку, когда утром мы идем вместе: я — в школу, он — на работу. В черном форменном кителе, с шевронами и молоточками...

Мне кажется, он боготворил форму. Как все поколение военных пацанов, которым выпал в жизни всего лишь трудовой фронт.

9 апреля

У Саши на днях был приступ, наверное, ангионевроза сердца. Схватило его в автобусе, да так, что он проехал лишнюю остановку, не мог встать. Облился весь потом. Боль не отпускала его дня три, правда, уже не столь острая. Хотя острые приступы были еще два раза. Я перепугалась, не инфаркт ли, переворочила всю литературу. Договорилась о электрокардиографии. Но он не пошел и нитроглицерин пить не стал, так и ношу в сумочке. Я убедила его, что это от курева, и он бросил курить: умирать-то никому не хочется... Сейчас, как будто, все спокойно, но напугались мы крепко.

Ты — врач, твоя мама — врач, его родители — врачи... Всего-то и надо — заставить его сделать ЭКГ. Я понимаю, что он безумно упрям, нужно тащить его

в больницу на поводке. Но ты ведь не зря перепугалась: это инфаркт, перенесенный на ногах. Предпоследний...

Как же вы...

ТАНЯ ТЕРЕШЕНКОВА: САШКИНО СЕРДЦЕ

Из студенческого дневника

5 сентября 1949 года

Вчера уже третий вечер провела с Сашей. Странное чувство у меня, когда я думаю о нем, сложное чувство. Когда он рассказывает мне о своих ночных рейсах, и я представляю его себе на быстро мчащемся паровозе, уверенного, знающего, мне охота крепко, крепко пожать ему руку.

Или нет, лучше прижаться к его плечу и сказать ему: «Какой ты славный, Сашка». Или еще охота так вот идти, идти без конца по тротуарам и площадям, чувствовать на локте его руку и слушать его спокойный, красивый голос, его такую остроумную, чудесную речь. Все это так. Но разве не отдала бы я все это лишь за одно ласковое слово Виктора? Полтора месяца он уже ничего не пишет. Пройдет месяц и рухнет моя последняя надежда на встречу.

18 апреля 1956 года

В тот же день, когда Вы звонили по телефону, к вечеру позвонил и Григорий Семенович из Хаб-ка, тоже весьма обеспокоенный по поводу Сашиного здоровья, и тоже прочел ему мораль: не пить и не курить! Саша не на шутку обиделся на меня за то, что я всем раззвонила.

Однако не курит. А пить-то он ведь не пьет, т. ч. это Вы, действительно, его обидели.

Отец не называл папой Григория Семеновича Постола. И всегда обращался к отчиму только по имени-отчеству. А я звал его дедой Гришей; мне и в голову не приходило, что при отце Александре Моисеевиче у меня должен быть дедушка по имени Моисей.

Наверняка у вас был уговор закрыть эту тему, не засоряя мозги ребенка смутной информацией. И, конечно, вы были правы. Будущий октябренек и пионер мог задать вопросы, на которые вы не хотели отвечать. Или не знали как.

А теперь вы задаете их мне.

5 мая

Известие о дедушке выбило из колен. Я так наревелась в первый день, что потом два

дня ходила с опухшими глазами. Уж, кажется, и старенький он, а все равно страшно, как от сердца кусок отрывается.

Почти ничего не знаю про моего прадеда Павла Евстигнеевича Шалаева, которого разбил инсульт в Ворошилове (нынешнем Уссурийске). Счастье, что чудом сохранилась его трудовая книжка...

Служил фельдшером в Благовещенском госпитале во время Русско-японской войны.

После демобилизации занимался частной врачебной практикой на дальневосточных станциях Бира и Архара.

А еще, согласно семейным преданиям, в Гражданскую войну помогал уссурийским партизанам лечить раненых. Потому так любил песню про «штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни»...

«Штурмовые ночи Спасска» были темой сочинения, когда я поступал на журфак Дальневосточного университета. Но я не расспросил про Павла Евстигнеевича его дочь, бабу Варю, с которой прожил бок о бок пять студенческих лет...

А баба Сара никогда не говорила мне про Моисея. Она, молодая, хохочет с уцелевшей половинки старого фотоснимка. Но я никогда не узнаю, смеялся ли дед Миша на другой, бдительно оторванной половинке. И уже никто мне не ответит...

Всегда кажется, что настоящая история — в шелесте мудрых книг, в музейной пыли. А она в глазах наших бабушек. Только нам некогда в них заглянуть.

20 мая

Вчера было воскресенье. С утра после завтрака мы втроем (я, Саша и Наталка) пошли на свой «огород». Мы разделили между собой землю на территории поликлиники, и каждому досталось по две грядки. Вот вчера мы и огородничали. Саша вскопал, я посеяла понемногу картошки, луку, укропу, моркови, свеклы, петрушки и сах. горошку. Оставили кусочек под помидоры. Наташа тоже копала своей лопаткой, потом рвала цветочки,

в общем, осталась очень довольна проведённым днем.

Затем нач. ПЧ-20 Баранов, который живет в коттедже рядом, затащил нас к себе. Там мы выпили, закусили, посидели, причем Наташа ела с огромным аппетитом. Затем пошли домой, где Тася сидела с Игорем, отпустили ее погулять. Тут Саша отпросился пойти с Барановым посмотреть футбол. Я отпустила с условием, что он придет в девять часов, а он пришел в двенадцать...

Отправила его спать на диван. Что с ним сделаешь? Думаю, надо простить. Он и так живет как аскет: работает до десяти-двенадцати ночи.

А у нас тут, мама, коттеджи пишутся через «е». И в них уже не живут паровозники.

23 мая

Вчера я ездила на линию, смотрела детей в казармах. У нас у каждого педиатра есть закрепленные за ним станции и казармы. И раз в месяц мы обязаны туда выезжать. Пришлось пройти пешком девять километров по линии. Туда 2,5 часа ехали на товарняке (на тормозе), оттуда пассажирским вечером.

На тормозе — это на площадке последнего товарного вагона.

Ездила я вместе с разъездным фельдшером, делали прививки.

Дети на казармах здоровые, краснощечные, босые, хотя живут, конечно, в бедности. Местность вокруг — кое-где болота, кое-где лес, тайга, а вдали горы со снеговыми вер-

шинами. В общем, красиво, только почти везде лес горит или тлеет (от паровозов). Привезла Наташе букет цветов, багульника. Саша встречал меня на вокзале, и мы вместе пришли домой.

Кстати, у него депо опять первое место за апрель взяло. На днях газета «Дальнев. Комсомольск» посвятила передовицу и всю третью страницу депо: и фотографии, и статьи, и т. д. Взяли у него интервью и для газеты «ТОЗ» (краевой). А мне беда с ним: развалились все ж/д фуражки, а здесь нет. Размер у него пятьдесят шестой, с синим кантом, надо серую или черную. Если попадется, купи, а то именинник на весь город ходит в рваных фуражках...

15 июня

Здравствуйте, дорогие наши!

У нас здесь сейчас празднование 25-летия Комсомольска. Я была на митинге, где зачитывалось приветствие Булганина и Хрущева, и куда мы, железнодорожники, поехали специальным поездом. С самолётов сбрасывали листовки, присутствовала китайская комс. делегация, выступали первые строители и т. п. Сегодня открытие памятника Ленину и фестиваль. Депо получило в подарок от управления дороги к 25-летию телевизор, приемник с радиолой и пластинки.

Вчера вечером приехал Саша. Утром вчера он досрочно сдал экзамен по теплотехнике на пятерку и помчался на поезд. Сашка очень, прямо страшно, соскучился, потому и сдавал досрочно. Но еще и депо без него съехало, и он сегодня пошел на работу в 6.30 утра, руки чешутся.

ТАНЯ ТЕРЕШЕНКОВА: СОПЕРНИКИ

Из студенческого дневника

8 июня 1949 года

Позавчера получила письмо от Виктора. Он опустил его в какой-то гавани, так как все время не видит берега. Мне почему-то страшно. Что будет в дальнейшем? Он пишет: «Твой образ для меня — маяк в этом густом тумане, который окружает сейчас наш корабль...»

Таня, ау-у-у... Неужели не видишь, как сахарно он излагает!

15 июня 1949 года

Саша К. сейчас в дороге, едет в Улан-Удэ, на практику, и Леша, и Аркадий, и все.

Я никогда не думала, что так буду тосковать после его (Сашиного) отъезда, два дня я ничего не могла делать. Для меня для самой явилось новостью, что он так близок мне.

17 ноября

С деньгами мы вроде выровнялись, говорю это с большим облегчением. Саша получил премиальные четыреста рублей, да командировочные.

Однако вот Вам пример моей стойкости! В течение полутора месяцев я не заходила ни в один промтоварный магазин, обходила их стороной. Деньги шли только на питание.

Сашка смеется, а я убеждена, что для женщины это — испытание.

8 декабря

Вчера была сильная пурга, и Наташа не ходила в дет. сад. Я откапывала сарай, рубила дрова и т. д. А весь вечер ссорилась с Сашей; чувствую, что с таким супругом квартиру не перемеришь. Если нач. отделения даст ему персональную квартиру, то он еще стыдливо согласится. Если же дадут ему на депо несколько квартир, то он ни за что не возьмет себе. «Люди по пятнадцать лет живут в бараках, я не могу пойти на подлость» и т. д. Вот дурацкая щепетильность! Натка все чмокала меня в щеку: была в споре на моей стороне...

1958 год

Раиса Матвеевна Еселева — начальник больницы в Комсомольске, а позже — Хабаровской ж/д больницы.

ГУПР — Главное управление железных дорог Дальнего Востока (Гупровский городок — микрорайон железнодорожников в центре Хабаровска, куда наша семья переедет из Комсомольска).

11 февраля

Здравствуйте, дорогие наши!

Ну, квартиру мы, кажется, получили. Поэтому я ни о чем другом и писать, и думать не могу. Правда, ордера будут раздаваться только через десять дней. Утром позавчера мы с Сашей пошли к нач-ку НГЧ. Он положил перед нами план: выбирайте любую. Мы выбрали на втором этаже, т. к. на третьем и четвертом может не быть холодной воды, не доходит. Квартира № 12. Вчера после работы я туда помчалась, конечно. Сдаются пока два подъезда. В первом подъезде уже все кончено, квартиры как картинки. Во втором (где наша квартира) не покрашены полы, не установлены ванны и унитаза. Квартира шикарная, две большие комнаты выходят окнами на юго-восток — солнечные. Третья комната небольшая, с балконом в противоположную сторону, во двор. Кухня просторная, плита небольшая, стоит на возвышении на ножках. Ванна большая белая, еще не подключена. Жара в доме — прелесть. Что радует особенно, это постоянное наличие горячей воды, и в ванной, и на кухне. Плюс консультация под боком (оформлять Игоря...), ясли под боком, а рядом Наткин сад. Здесь же рядом два гастронома и почта. В общем, теперь

только Ваше согласие на переезд, а уж ком-нат хватит.

Очень не хочется перевозить в такую шикарную квартиру старую мебель. Особенно убивает меня мой инвалидный комод: из восьми ручек на нем лишь три. Умоляю и закливаю, папочка, сходи в хоз. магазин, купи восемь ручек (таких, как у Вас на гардеробе). И вышли, милый. Сегодня начну мыть абажуры и складывать книги, да постепенно стирать.

Ну, пока. Привезете Игорька уже в новую квартиру. Если надумаете приезжать сами, дадим Вам самую светлую комнату.

Счастливейший день. Счастливые планы. Но уже через три месяца отца ждет новое назначение...

3 апреля

Телефон нам еще не поставили, адрес такой: ул. Парижской коммуны, дом 34, кв. 12. Квартира хорошая, конечно. Вчера мы с Сашей принимали уже ванны после уборки. Благодать, что и говорить.

9 апреля

Вчера ездили с Сашей, примеряли ему костюм, сидит хорошо, красивый.

Еще я продала в ювелирном цепочку, выручила за нее 300 р. Вопрос стоял: или мне платье к маю, или стол, или Саше туфли. Терзалась я недолго: подвернулись китайские сандалеты Саше за 260 р., я и купила, надо же к новому костюму. Он, правда, делает вид, что недоволен, а сам-то рад до смерти...

А сегодня Саша уехал сопровождать поезд до Волочаевки, они теперь и туда будут водить поезда. Потому что депо Литовко ликвидируют, добился этого он же сам, с карандашом в руках.

Отцу и в Комсомольске больше всех надо.

17 апреля

Позавчера пришла домой с приема (приняла 25 чел.), вдруг заболела левая половина головы, и я стала плохо видеть на правый глаз.

Кроме того, в буквальном смысле отшибло память: с большим трудом вспомнила Сашино отчество...

Прилегла на диван и тут же уснула, и проспала ровно час. Встала, состояние прежнее, как у сильно пьяной. Кроме того, онемела

правая рука и правая половина языка. Я бы-
стро оделась и выскочила на улицу. Пошла в
консультацию, кое-как объяснилась с Сашей
по телефону (забывала слова), а потом на-
зло пошла и обслужила два вызова, забрала
детей, пошла домой. Примчался Сашка, у
меня все прошло, только еще часа два болела
голова слева. Невропатолог говорит, что это
ангиоспазм. У меня было так же и на При-
морской один раз после большого приема.

23 апреля

Здравствуйтесь, дорогие наши!

Все хочу написать бабе Тане в Во-
рошилов, да времени не выберу. Где она
будет жить? Приехала бы к нам, да ведь
не согласится. Я вижу, маму очень гнетет
мысль, что она не попрощалась с дедушкой.
Ну что ж поделаешь, дорогая, тут уж хоть
локти кусай, а ничего не изменишь. На май
возьмите бабушку к себе.

*Умер прадед Павел Евстигнеевич Ша-
лаев...*

*Их, прадедов, у меня было четверо,
как у любого на земле. Усурийский врач
Павел и белорусский крестьянин Яков — по
материнской линии. Харбинский часовщик
Михаил и сибирский шляпник Абрам — по
отцовской. Они никогда не встречались,
потому что родственные связи стали
лишними в бессвязную, на разрыв эпоху. При
том, что мамин дед Павел почти двадцать
лет жил по соседству с отцовским дедом
Михаилом...*

*Ну, что такое двести шестьдесят во-
семь километров по прямой железнодорож-
ной ветке Усурийск — Харбин?! Но прадед
Павел уже неделю лежит на уссурийском
кладбище. Прадеда Михаила не станет
через восемь месяцев. И единственный раз
посидеть рядом им выпало лишь на этой
поминальной странице, накрытой их прав-
нуком через пятьдесят лет.*

28 апреля

Саша приготовил очередное задание,
и сегодня я его отправила. Следующим
номером ему должны прислать курсовой
проект: нечто вроде дипломной работы. А
еще он принес мне премию, положили мы
ее в сумку, откуда я потаскиваю на еду, а что
останется потом — на мотоцикл.

5 мая

Игорьку на день рождения мы подарили
громадную машину-грузовик, сделанную

из железа. Он с ней не расстается, возит
ее, она грохочет страшно. Вот внизу людям
радость...

А сегодня впервые остался в яслях без
слез. Он там самый скромный, и они даже
не верят, что он разговорчивый. Язык раз-
вязывается у него лишь тогда, когда разговор
заходит о маме, тут тема неисчерпаемая.
Меня называет то «мамка», то «мамочка», в
зависимости от настроения. Сашу же вели-
чает «папочкой». Говорит уже такие фразы,
как, например: «Натаса, куда-то моя масинка
делается?» и т. д.

Вчера с утра Саша водил их стричь,
сейчас у обоих головки аккуратные.

*В воскресенье широченные, как аэро-
дромные полосы, улицы Комсомольска всег-
да полны праздно публики. Начальник депо
со мной и Наташкой по обе руки неснежно
дефилирует в парикмахерскую... Это сколь-
ко же народу с ним поздоровалось!*

12 мая

Мама, в отношении критики ты, конеч-
но, ошибаешься (я имею в виду Сашу). Как
говорит Саша, наоборот, когда его крити-
куют, у него желание работать еще лучше
и никогда в жизни он за критику никого не
гонял. А верить ему можно. Уж его-то народ
любит. А тогда он шутил.

*Вот и баба Варя купилась на непро-
ницаемую физиономию нашего шутника!*

22 мая

У нас из новостей возможный скорый
переезд. Саше предложили начальником
депо на II Хабаровск. Он две ночи крутился
без сна, а потом дал Сугаку, начальнику
дороги, согласие. Сугак (он приезжал
сюда) ходил в горком, но горком ответил
отказом. Но вот вчера пришла телеграмма
из крайкома: отпустить. Уж теперь не знаю,
что скажет горком. Отпустит, наверное. Я
этому рада только на 10%: за Сашу. Это ему
солидное повышение. Депо там на 1500 на-
роду, считается министерским. Начальники
же меняются без конца, не справляются. У
Саши, видимо, спортивный азарт. А, кроме
того, говорит, что работа там интересней.
Мы с ним немного поцапались, но куда
деться?

Мне жаль квартиру, детей, коллектив.
Вообще, пока неохота уезжать. Все ведь
под боком, там этого не будет. Кроме того,
на II Хабаровске нет домов с паровым ото-

плением. Говорю Саше, пока не добьешься квартир с удобствами, не поезду отсюда. Обещает добиваться.

Начальник больницы Еселева ни в какую не хочет отпускать меня — говорит, пойду в горком ходатайствовать, чтобы Сашу оставили.

29/V—58 г.

Саша сдает депо. Вчера у них было крушение товарного поезда по вине паровозников. Жертва одна: кондуктор, пока еще жив. Саша пришел в час ночи, сегодня убежал чуть свет.

ТАНЯ ТЕРЕШЕНКОВА: ХАРАКТЕР

Из студенческого дневника

17 мая 1948 года

Я вообще-то не особенно влюблена в себя, во всяком случае никаких иллюзий на свой счет не строю. Я ведь не думаю, что у меня красивая внешность и классическая фигурка. Отвратительны и склонность к рассуждениям, и привычка краснеть по всякому поводу. Как она мучает меня!

3 августа 1948 года

Мне представляется, что если бы порой то, что накапливается у меня в душе, могло бы излиться на кого-нибудь, этот человек, наверное, умер бы от изумления. «Сдержанная, насмешливая, холодная» — вот как меня характеризуют обычно мои «поклонники». Черта с два! Знали бы они, что иногда со мной бывает.

3 июня 1958 года

Саша сегодня уезжает в Хабаровск уже окончательно. Депо сдал заместителю из депо Высокогорная. Вчера этот товарищ ужинал и ночевал у нас. Сидели они, обсуждали свою работу, и мне даже страшно стало за Сашу, такое, судя по разговору, трудное в Хабаровске депо. Народ там очень своеобразный.

В этот же день и даже, возможно, час о муже писала и баба Сара, твоя свекровь. Думаешь, случайное совпадение? Чем глубже я погружаюсь в историю нашей семьи, тем меньше верю в случайности.

3 июня 1958 года

Хабаровскому краевому прокурору

31 мая

Саша из-за крушения получил строгий выговор. А четырех человек отдали под суд. Кондуктор пока еще жив, но тяжелый.

Наташа в ваших сандаликах носится почему зря. Вообще она очень подвижна, ни секунды не посидит в покое, видимо, в Сашу. И с детьми очень быстро сходится, это тоже в Сашу. А Игорь все же малоподвижен, хоть и бегаёт порой. И, кроме того, трудно сходится с детьми, стоит, смотрит из-за двери, выглядывает.

Это он в меня, я ведь тоже не быстро схожусь с людьми из-за застенчивости...

ЗАЯВЛЕНИЕ Гр-ки Коц Сары Абрамовны

Прошу разобрать дело моего мужа Коц Мойсей Израйлевича, 1899 года рождения, работавшего в Хабаровском крайздравотделе врачом по коммунальной санитарии. 3 октября (на самом деле 21 октября) 1937 года был взят органами МВД и о дальнейшей судьбе его я ничего не знаю.

Прошу разобрать его дело и в случае его невиновности реабилитировать.

Мой адрес: Хабаровск, ул. Серышева, 52, кв. 51 Дом. телефон: 49-38.

Подпись

Мне позвонили с Лубянки: «Можете ознакомиться с делом. Хотите переснять? Пожалуйста».

Маленький казенный кабинетик. Вежливая женщина кладет передо мной папку. Садится за соседний столик. Углубляется в бумаги.

У меня два часа. Я достаю фотоаппарат, диктофон и блокнот. Аккуратно раскладываю на столе. Меня трясет.

— Спокойно, Игорюха! — говорит отец и кладет руку мне на плечо. Я и не заметил, как он неслышно встал за спиной.

Моисей смотрит на нас. Анфас и профиль. На нем легкомысленная белая тенниска с черным воротничком; он наверняка надевал ее, когда ходил с сыном на пляж. А вот бороду раньше не отрицывал; конечно, в камере не было бритвы. Я дочитываю первую страницу допроса, смотрю на подпись деда внизу, сделанную его рукой. И понимаю, что хочу погладить эту руку.

Женищина в углу не смотрит на меня. Я тихонько касаюсь пальцами коротенькой теплой строчки. И чувствую, как отец благодарно сжимает мое плечо.

— Вы будете еще смотреть? — спрашивает женищина. — Послезавтра?

— А можно?

Я не хочу отсюда уходить.

16 июня

Вчера утром приехал из Хабаровска Саша, остался и сегодня, чтобы сняться с военного и парт. учета. Очень скучает там один, говорит, просто немоготу. Вчера весь день ходил и целовал всех по очереди.

В депо ему приходится трудновато, все дело там в зарплате: депо постоянно не укладывается в финансовый фонд, так как заработки там выше средне-дорожных на двести пятьдесят руб. Значит, надо прижимать людей, а люди этого не потерпят, вот почему начальники там и не держатся. Потом слабая дисциплина, народ разболтанный: хотят — ездят с толкачом, хотят — без толкача, вот и получают растяжки. В общем-то, Саша не унывает, а говорит, что и не жалеет.

Но мне кажется, что не хочет признаться себе самому.

Еще одно слово из моего паровозного детства... Растяжки — седые волосы машинистов. Драмы на перевалах, когда визжат колесные пары, когда рвутся сцепки и, случилось, сердца. Когда паровоз, не сумев взять состав, намертво встает вместе с полсотней груженных под жваха вагонов на середине подъема, посреди тайги...

Со вторым паровозом, толкачом, ездить несравненно проще. Но надо делиться заработком....

Отец и в этом депо, крупнейшем на Дальневосточной дороге, замахнулся на святое.

18 июня

Саша продал свой мотоцикл, так как там еще много ремонта, а возиться с ним некогда.

27 июня

С квартирой в Хабаровске дело дрянь: будет сдаваться к Новому году с водяным отоплением (а значит, и с горячей водой, так как к батарее приделан кран), но без канализации и водопровода. Что делать? Жить ли здесь до Нового года, а зимой переехать

сразу в новый дом? Или переехать сейчас в неблагоустроенный дом и ждать там? Думаю все же жить здесь. Хоть ползими проведу в человеческих условиях. Просить же квартиру перед назначением Саша не догадался, да и не любит он вести разговор об удобствах с начальством.

Мне там работа есть: детских врачей берут с ногами и руками и детьми. Но не поступить ли мне в ординатуру?

2 июля

У меня к Вам просьба. Тринадцатого июля у Саши день рождения, хочу отпраздновать по всем правилам: разве же Саша этого не стоит?!

Позову человек десять-двенадцать гостей, в том числе и Еселеву. Но спрашивается, чем удивить в наше время? Вот и прошу Вас: вышлите хоть одну бутылочку московского вина, это будет и приятно, и оригинально — такой подарок от Вас. Саша всегда вспоминает, как ты, папочка, угощал его «Мускатом южнобережным розовым», а ты уж, наверное, и не помнишь?

PS 3/VII-58 г.

Купила сегодня трюмо, да здравствует сбывшаяся мечта! Довезла на грузовике, сейчас водрузила, красиво! Денежки (685 р.) выудила из мотоцикольных, хоть душа и облилась кровью при этом...

15 июля 1958 года

Сашины именины прошли очень хорошо, несмотря на то что половина приглашенных по разным причинам не явилась. Из гостей были Еселева с мужем, Аркадий Татауров, Г. С. с Борей да мы. Пили, ели, танцевали, несмотря на жару. Саша с Аркадием купили и принесли ящик пива, затолкали его в холодильник (мне его исправил электрик), и все наслаждались холодным пивком. «Мускат» произвел фурор, мужчинам досталось по рюмочке, остальное выпили мы, женщины.

Прислала теща!

Именинник получил следующие подарки: я подарила ему несессер за 220 руб. Еселева тоже несессер, но другой, чехословацкий, очень изящный. С. А. подарила сыну кожанку со всеми молниями, удобную для работы. Игорек, как обычно, в суете и спешке скис, целый день ничего не ел, хныкал, отказывался от сна. А на танцующих

со мной мужчина смотрел такими злыми глазами, что не на шутку всех смутил. Затем, когда гости разъехались, потребовал кушать и налопался за весь день.

Сашу здесь очень жалеют, сколько я ни встречалась с деповскими, все говорят о его отъезде с досадой и огорчением.

23 июля

Здравствуйте, дорогие наши!

Сегодня нашей девочке пять лет. С вечера я разложила все подарки на стуле, с тем, чтобы утром незаметно подставить ей к кровати. Но фокус не удался: именинница не спала с 5.30 утра, а в шесть часов потребовала представить подарки пред своих очей. Мама пришлось встать, притащить стул из другой комнаты, а потом уж какой сон: дочка то свистнет в свистульку, то поцелует куклу, то начнет книги листать и т. п. Потребовала надеть новое розовое платье, новые зеленые туфли и так и отправилась в детсад. Ко всему сбороздила себе нос, упала с горки, т. ч. украсилась ко дню рождения.

Игорек отобрал у нее сегодня свистульку («птичку в клетке») и пробовал отбирать и новую куклу, все ходил, жаловался: «Она не дает лялю, противная...»

Вообще, лексикон у него расширяется с каждым днем. Мы постоянно смеемся над ним. Сбежало молоко, он бежит следом за мной и приговаривает: «Господи, господи, что такое?» А вчера прихожу за ним в дет. ясли, выходит ко мне и бодро сообщает: «А я в штаны напрудила».

Смотрю, штаны, действительно, мокрые. Но не успеваю рта открыть, как он заявляет сам: «Надо было тете Алле сказать: хочу на горшок. Все детки ходят сухие, а Игоречек мокрый». После такой самокритики начал спокойно снимать штаны.

А как песни поет, умереть можно. Поет «Мишка, Мишка, где твоя улыбка?» и «Мы простимся с тобой у порога и, быть может, навсегда». Пластинки обожает.

Про Мишку в доме была мягкая измятая пластинка с изображением черноморского пляжа и надписью «Саше от Миши». Первый шлягер танцплощадок 1947 года... «Но не надо, слышишь, Мишка, милый, я тебя по-прежнему люблю...» — убеждает встревоженный женский голос. Как мечталось Сашке услышать это от недоступной Тани Т.! Мишка Бланков знал, что дарить...

Но ни ты, ни отец, ни его лучший друг не знали ничего про еще одного Мишку, доживавшего свой век в Харбине. Я расскажу тебе о моем прадеде Михаиле Коце, про которого в июне 2011 года два дня пытал его восьмидесятишестилетнего сослуживца Тэдди Абрамовича Кауфмана...

— Тэдди, он был веселый? Замкнутый?

— Нет, он был тяжелый человек и коммерсант твердый. Мне говорили, что люди с ним не всегда могли делать дела. Он был непростой пассажир.

— А жена?

— Я ее мало знал, потому что видел только в синагоге на праздниках. Она никуда не ходила. Он всегда выходил один.

— Что у него был за дом?

— У него дома не было, он снимал квартиру в центре Харбина, на Конной улице. Три или четыре комнаты.

— Почему не дом?

— Думаю, ему это было не нужно, потому что он все деньги вкладывал в дело.

— Его манера речи, язык?

— Он был, конечно, человек, который не получил русское образование. Он был самозучка. Но он говорил грамотно по-русски. Не такой, знаете, местечковый еврей.

— Он знал иврит?

— Нет. Только иврит религиозный, чтобы читать молитву.

— Как он к сыновьям относился, Льву и Борису?

— Я вам скажу. Он не хотел, чтобы Борис женился на Гуте. Ему сказали, слушайте, она дочка такого большого раввина. Главного раввина Варшавы, а в Варшаве было триста раввинов. Но когда она вышла замуж за Бориса и родился Самуил, то Мусик у него стал первый номер. Он его обожал.

А Лева женился на Блуме Штейнер. Она была очень красивая девушка. Она работала машинисткой у нас в харбинской общине, где я был секретарем. И Михаил был против этого брака.

— Снова против?

— Я вам скажу, почему. Это была семья, в которой муж умер и осталась жена с тремя детьми. И община устраивала их всех на работу, чтобы они могли существовать. Блума была хорошая машинистка и очень красивая, приличная девушка. Но с ребятами у нее что-то не шло. И вдруг Лева за ней стал ухаживать, и они решили жениться. Свадьба была у Штейнеров в доме, на Биржевой.

Я был на свадьбе. И мой отец был, как это называется, посаженным...

— *отцом...*

— *Да, со стороны Блюмы, потому что у Блюмы была только мать. Так вот Михаил был страшно против этого брака.*

— *А на свадьбу он пришел?*

— *Нет. Мой отец его уговаривал, слушай, она еврейская девушка, он еврей...*

— *А почему он был против?*

— *Ему не подходило, что она, знаете, из очень простой семьи.*

— *Там была богатая семья, здесь бедная...*

— *Здесь была супербедная. Отец был очень близок с Михаилом, уговаривал: это же твой сын, как ты можешь не прийти... Он не пришел... Но когда родился Саня... Санька, то он изменил отношение. Сразу помог Леве открыть дело в Чаньчуне. Саньку, второго внука, он тоже обожал...*

Тэдди Кауфман не знал, что это уже третий внук Михаила. Первый тоже был Санька. Мой отец. Но все звали его Шуркой...

В «Еврейской жизни» за тридцатое марта 1934 года я нашел объявление: в помощь погорельцам острова Хакодате (там бушевали лесные пожары) М. М. Коц сдал девять маньчжурских долларов, а Мусик Коц — шесть. Любимому внуку моего прадеда четыре года...

А внук-первенец Шурка в 1934 году пошел в первый класс хабаровской школы. Но ему не суждено было стать первым номером у своего деда. Мне больно за отца. Но горше за Михаила; я уверен, что его до последних дней терзала черная дума о детях Моисее и Фанечке, затерявшихся в близкой и недоступной России.

Но чаще всего на излете жизни, старческими бессонными ночами он наверняка думал о Шурке...

7 августа

Настроение у меня сейчас очень неважное, терзает денежный вопрос. На днях взяла да и купила у нашей врачихи дорожку, новую, только что из магазина. Та тоже купила, а тут отпуск, ну муж ее запил, и она с болью в сердце отдала ее. Три с половиной метра стоят четырехста рублей. Протянула я ее от трюмо к двери и со страхом стала ждать Сашиноного звонка. Он грустно сказал: «В общем, я смотрю, в отпуск мы не поедем...»

Я поклялся ему больше не тратить ни рубля. Но вчера пошла в парикмахерскую посоветоваться насчет своей прически (все же ехать в отпуск, когда мне там накручиваться? А закалывать просто так, это даже неприлично. Какое красивое платье ни надень, а голова весь вид испортит). Завивка мне не идет, да и не хочется волосы портить. Ну, мастер и предложил мне купить косы. Представьте, косы прямо подходят под мои волосы. Заплел он их мне, уложил, и дамы все ахнули (и я в том числе).

Но стоят они триста рублей. Правда, это лет на десять вперед, и врачики у нас многие с косами. Но триста рублей! Попросила я его сутки подождать. Вечером звонит из Хабаровска Саша, видно, мой грустный тон на него подействовал: говорит, смотри, если очень нужно, бери. Ночь я спала плохо, и сейчас не могу решить, что делать. Вот так и получается, чтобы купить вещь, наживешь гипертонию... В крайнем случае, продам дорожку, у меня ее из рук рвут. Да только мне жалко...

31 августа

Открытка из Архары

Здравствуйте, мои дорогие!

Выехали мы в Москву сегодня ночью в 1 ч. 15 мин. Открытку сброшу на ст. Архара, где родилась наша баба Варя.

Как Наташенька, здорова ли, слушается ли бабу? Как кушает Игорек? Очень скучаю о Вас, мои хорошие. Целую.

Мама.

Ст. Архара, поезд № 5.

Сбросив открытку, вы с отцом возвращаетесь в уютное купе. Бабы Варин перрон уплывает на восток, скорый летит на запад. А в голове состава — мой любимый, неземной красоты и мощи сказочный паровоз, который отец уважительно называл Генералом. Я видел его лишь однажды, когда ехал с вами на поезде «Россия» в Москву; поезд наматывал бесконечные байкальские петли, и в окне на крутых изгибах пути то и дело возникал он. Стремительный, как космическая ракета, красный паровоз с генеральским красно-белым лампасом от носа до тендера. Дым валил из трубы, Генерал мощно чухал своими огромными красными колесами и весело гудел одиннадцатилетнему пацану, заворуженно прилипшему к стеклу...

Я снова встретил его совсем недавно, в железнодорожном музее на московском

Рижском вокзале. Он притулился там у самого входа, одинокий и грустный, как верный постаревший пес. Паровоз марки П-36, который гордо откликнулся на Генерала.

Буква П — всего лишь сокращение от Паровоза. Хотя молва считала, что это в честь великой Победы; ведь паровозы всегда были символами советской эпохи и любимыми игрушками водителей. За Уральскими горами вашего Генерала сменит генералиссимус ИС. Паровоз «Иосиф Сталин». Но уже скоро его переименуют в другого верного ленинца Феликса Дзержинского (ФД). А потом объявится и сам Владимир Ленин — магистральный электровоз ВЛ...

Паровозы не виноваты, что их умные морды так нравились палачам. Девять дней назад их главный пахан ИС все-таки уличен в убийстве моего деда.

Секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиума Хабаровского краевого суда от 22 августа 1958 г.
г. Хабаровск

Президиум Хабаровского краевого суда в составе:

председательствующего Иванова
членов президиума Чичкань, Эдельман, Захаровского с участием прокурора Хабаровского края т. Зыкова по докладу члена суда Толстенко рассмотрел дело по обвинению Коц М. И.

Постановлением НКВД СССР от 28 декабря 1937 года КОЦ Моисей Израйлевич, 1899 года рождения, уроженец гор. Уфы, еврей, работавший краевым госсанинспектором Хабаровского крайздравотдела и ассистентом кафедры гигиены Хабаровского медицинского института, осужден к расстрелу.

Постановление приведено к исполнению.

Рассмотрев дело и протест прокурора Хабаровского края, в котором поставлен вопрос об отмене постановления НКВД СССР от 28 сентября (правильно — декабря) 1937 года в отношении Коц М. И. и о прекращении дела за отсутствием в его действиях состава преступления, и заслушав заключение прокурора Хабаровского края т. Зыкова, полагавшего протест удовлетворить, Президиум Хабаровского краевого суда

ПОСТАНОВИЛ:

Коц был осужден за связь с агентом Германской разведки Нейштадт и участниками диверсионной организации Гранит и Гинзбургом.

Изучив материалы уголовного дела, президиум находит, что протест подлежащий удовлетворению по следующим основаниям:

Допрошенный по делу Коц в числе своих знакомых по работе назвал Нейштадт, Гранит и Гинзбурга.

В деле нет никаких доказательств, свидетельствующих о том, что Коц совершил какое-либо преступление.

На основании изложенного Президиум Хабаровского краевого суда

ПОСТАНОВИЛ:

Постановление НКВД СССР от 28 декабря 1937 года в отношении КОЦ Моисея Израйлевича отменить и дело производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

Председательствующий Иванов

Я прочту это постановление в уголовном деле Моисея. Но баба Сара не узнает правды. Вместо правды о муже ГУЛАГ пришлет ей топорную чекистскую липу:

Управление Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР по Хабаровскому краю.

9 сентября 1958 г.

№ А/2 — 228761.

В бюро ЗАГС Центрального района города Хабаровска.

Просим зарегистрировать смерть гр-на КОЦ Моисея Израйлевича, 1899 года рождения, уроженца гор. Уфы, еврея, гр-на СССР.

По имеющимся у нас данным гр-н КОЦ умер в местах заключения 18 августа 1941 года от абсцесса легкого...

Начальник учетно-архивного отдела УКГБ при СМ СССР по Хабаровскому краю /ШЕКУНОВ/

«18 августа 1941 года... абсцесс легкого... умер в местах заключения... по имеющимся данным...» — чекист-архивист Шевкунов творчески подошел к составлению типовой справки, отпечатанной в полном соответствии с распоряжением председателя КГБ Серова за номером 108сс от 24 апреля 1955 года: «Сообщаются:

фамилия, имя, отчество, год рождения и дата смерти осужденного (определяется в пределах десяти лет со дня его ареста), причина смерти (приблизительная)...»

Вранье продолжалось, даже когда прекратились расстрелы. Скорый летит на запад, свежий ветер продувает мозги и вагоны. Но к последнему из них подцепили смрадную ствольникскую теплушку. На всякий случай. И она еще полвека не отцепится от нашей страны, где по опросам населения Сталин и сейчас популярнее Пушкина.

Прости, мама, что перебил долгожданный отпуск. Но как без этого ехать дальше?

28 ноября (после отпуска).

Здравствуйте, дорогие наши!

Итак, мы все еще в Хабаровске. На Втором Хабаровске пока не сдан обещанный дом, живем в деревянной двухэтажке в Гупровском городке. Живем, в общем и целом — неплохо. В отделении веду пять больных детей. Болезни разнообразные, и это приятно поражает после Комсомольска, там только пневмонии да дизентерии. Двое больных с болезнью Шенлейн-Геллоха, один с ревматизмом, один с холециститом (неясной этиологии). Видимо, хронич. дизентерия имеет здесь значение). И одна девочка с какой-то хронической интоксикацией, пока нам не ясной. Обследуется.

Нач. отделения Пивник — милейшая женщина, и коллектив хороший. Участок всего на пятьсот детей, половина из которых организована. Т.ч. работой довольна. Утром езжу на врачебном автобусе, который останавливается у ГУПРы в 8.20. Поэтому утром с детьми мы порем горячку и мечемся как угорелые, чтобы мама не опоздала на автобус. Наташа бежит в садик одна, а Игорешу я веду прямо в группу.

Игорек в яслях шелковый ребенок, но дома нервничает. Видимо, просто устает. Соседи наши (старые молодожены) прямо в него влюблены. Каждое утро он, выходя из спальни, говорит им: «Добрый вечер» и этим приводит в восторг. А также своими песнями. Поет самозабвенно, громко и мотив довольно правильно. Репертуар его обширен, да и вид у певца уж больно хороший. Баба Сара тоже каждый раз умиляется.

Саша работает с утра и до ночи. Летит домой прямо на крыльях, чтобы застать не спящими детей. Как услышим, что кто-то скачет через три ступеньки в подъезде,

значит, наш папа. Дети, особенно Игорь, липнут к нему. Виснут на нем, и на шею, и на горбушке, и восторгам нет конца.

17 декабря

Саша принес мне премиальные пятьсот рублей, двести отдала за детей, за двести купила Саше ботинки, китайские, фундаментальной прочности, по-моему. А то ему в командировку там или на совещание и обувь нечего: одни сандалеты. На работу-то он ходит в сапогах.

26 декабря

Вчера сидела я с Игорьком дома, у него поднялась т до 37,8, кашель и прочие атрибуты гриппа. Наташа утром подняла рев: «У меня тоже насморк, а потом в саду надо так много спать, что я не могу» — и при этом так горько плакала, что и ее пришлось оставить дома. Целый день они дрались и ссорились, но если я разводила их по разным комнатам, то поднимали рев и устремлялись друг к другу в объятия... К вечеру я с ними прямо обалдела. Тем более, что затеяла еще и стирку, перестирала все крупное и все салфетки.

Папа же наш отправился на вечер отдыха, который организовывало их депо в клубе Второго Хабаровска. Тащил и меня. Да куда там, и Игорь болел, и устала от стирки, и доклад надо писать на конференцию по дифтерии. Он одевается в костюм и галстук, а дети обступили его и смотрят, открыв рот. Мама же сидит, пишет доклад на фоне развешенного белья, сама в халате и с неприбранной прической. Хоть пиши с нас картину под названием «Папа отправляется гулять...» (Сашка при этом болезненно перекривился и завopil, чтобы и я ехала).

Улыбнувшись, ты поставила точку. Расстроенный Сашка уехал на Второй Хабаровск. А на другом конце планеты в этот день умер Михаил Моисеевич Коц. Он ушел на восемьдесят четвертом году жизни, в Гонконге, по пути из Харбина в Австралию к внуку Саньке. Внук и прислал мне снимок могилы: пожилой австралиец Алекс Коц сидит на корточках возле мраморной плиты, на которой выбито «Gone but not forgotten».

Ушел, но не забыт... Двоюродный брат Алекса, мой отец, никогда не был на этой могиле. Дед слишком далеко уплыл от первого внука. Знал ли он хоть что-то о Шурке? Пытался ли узнать? Он навсегда унес свою тайну и боль. А Шурка унес свою. Он никогда не вспоминал при мне неизвестного

деда, с которого начался век нашей семьи. И вашей любви. 1875–1971...

На фотографии, присланной Алексом, розы закрыли первую букву на могильной плите. И я принял сначала горе за опе. Но, может, эта буква и не нужна моему прадеду, одиноко лежащему вдали от мест, где его любили и ждали, — Уфы и Харбина, Хабаровска и Тель-Авива, Шанхая и Ленинграда. На полдороге к теплой чужой земле... «One but not forgotten». Один, но не забыт.

1959 год

Петр Волошин — друг отца, главный инженер депо Хабаровск-II.

Наташа — его жена, врач-рентгенолог.

1 января

Для Саши Новый год начался очень неудачно. По его выражению, как будто несчастья собирались весь год и обрушились в новогоднюю ночь. И случай травматизма есть, и порчи всякие, и невыходы на работу, и т. д. Он сегодня уже пригорюнился, что не справляется с работой.

Говорит, хоть бы сняли в машинисты что ли, все бы за мной ухаживали, а я ни за комом бы не ухаживал...

Сейчас он и Игорек уснули, а мы с Наткой бодрствуем. Саше в ночь выходить на дежурство. В четыре часа ночи вызвал нас Комсомольск, поздравляла вся наша прежняя компания, ругали Сашку, что уехал в Хабаровск.

2 февраля (после отъезда бабы Вари из Хабаровска)

Мама, на твоей чудо-печи я уже стряпала два раза. Самая первая порция была неудачной, потому что не смазала дно маслом, и все прилипло. Наташа, принимавшая горячее участие в стряпне, закричала: «Мамочка, ну бабушка же смазывала тряпочкой с маслом!» И остальные прянички получились очень хорошие. А во второй раз получились точно такие же, как у тебя. И калач получился очень хороший. Теперь я уверовала в свои силы и, мне кажется, состряпаю что угодно.

Саша работает до упаду по-прежнему, учится. Сегодня утром выбил дорожки. Уехал. Встаю, смотрю, на комод лежат две шоколадки детям, а маме зарплата...

10 февраля

Вчера сын вечером меня огорошил, обозвал одним словом (на букву «ж»...) Я

вначале остолбенела даже, потом нащелкала его по губам. Он ходит, орет. Наташа была крайне возмущена, говорит ему: «И не думай, что я буду жалеть тебя, целовать там или еще что. На маму так говорить! Надо же! Так говорят только самые хулиганские мальчишки». Слышали бы Вы, как она читала ему мораль, тон очень серьезный, лицо строгое. А потом говорит ему потихоньку: «Попроси у мамы прощения». Он подходит, просит. «Хорошо, прощаю, — говорю, — но имей в виду: в следующий раз надену тебе шубу и шапку и выставлю за дверь; мне такого сына не надо». Он, ничуть не огорчаясь, набрал оладей (я пекла) и принялся уплетать их, что-то напевая. Оборачиваюсь, а Наташа глотает слезы. «Ты чего?» — «Игорька жалко, что ты его выгонишь...»

17 февраля

С квартирой на Втором Хабаровске дело пока на мертвой точке. У Сани дела тоже неважнецкие, и очень даже. Он даже изменил своему оптимизму и уверенности, и я (представьте!) утешала его, что для меня было тоже необычным. Теперь немного наладилось, и он поднял голову. Он очень горяч, нетерпелив, совершенно не желает мириться с проблемами в работе. А у кого же их не бывает? Причина же одна: народ здесь не тот, что в Комсомольске. По образному выражению Сашки: «Чихнет и требует платить ему за это».

20 февраля

Я, между прочим, задумала писать картину масляными красками. Волошин (гл. инженер депо) рисует чудесные картины. Он дал мне подготовленный холст, краски и кисти. Провел консультацию. Говорит, что если я рисую акварелью, то маслом проще. Попробую, чем черт не шутит?

1 марта

Работа не клеится у Сашки. Депо здесь тяжелое, даром начальники меняются ежегодно, и хорошие, сильные начальники. Саша торчит там с утра до ночи, а воз и ныне там. Сугак, начальник дороги, привок, что Сашка шествует триумфально, вот сейчас и недоволен. Конечно, есть и хорошее в работе, иначе б не было хотя бы премиальных.

Но и плохого хоть отбавляй. У меня лично складывается мнение, что надо бы пройти Саше еще один-два этапа от Комсомольского до Хабаровского депо, поднабраться опыта...

8 марта

Получила я от Саши к Восьмому марта подарок: букет живых цветов, кожаные перчатки и духи. Думаю, что он превзошел даже Вл. Семеновича (директора владивостокского «Дальзавода» В. С. Санталова, мужа бабы Вариной сестры Маруси) с его чернобуркой. Там-то проще, имей лишь три тысячи, а тут живые цветы в марте! Соседка моя чуть не побила своего Афанасия, он ей ничего не подарил, а тут цветы...

15 марта

У Саши работа налаживается. Сейчас у них горячая пора, осваивают новое плечо, до Бикина, там прикрыли депо. А в отношении того, что ты писала, мама, так ты успокойся: уж Сашка ли не опирается на народ? Все дело в том, что местком у него дрянь.

Все та же, опробованная по Приморской и Комсомольску схема: закрыть промежуточное депо, увеличив нагрузку на основное. Все те же обиды и жалобы сокращенных, у каждого из которых дом, семья, планы на жизнь. А ему надо резать по живому и ему всего тридцать один год...

31 марта

Игорек растет задиристый, болтливый как сорока. На днях произнес, например, такую фразу: «Ольга Миколавна, разрешите у Вас спросить...» Если я говорю: «Не вертись, упадешь и разобьешься», он моментально спрашивает: «А кто меня починит?» Говорю: «Не бегай без мамы, попадешь под машину». Спрашивает: «А кто обо мне плакать будет?» Отвечая, и на лице у него довольная улыбка: многие плакать будут. В общем, отличается крайней любознательностью. А посмотрели бы Вы, как я вела его на анализ крови. На улице прижался к Наташе и ревет, она его обняла, и стоит такая пара. Он плачет: «Наташа, пойдем со мной». А она рассудительно отвечает: «Да не могу, опоздаю на физзарядку...» Зато дома он ее то куснет, то шипнет, то плонет. Да и она не отстает. Впрочем, порой их водой не разольешь.

А дневник о детях, папочка, не веду, ввиду отсутствия времени. Да как-то и желанья особого нет. Делай за меня это: собирай письма и храни в каком-нибудь ящичке.

Спустя полвека я открыл этот волшебный ящичек. И вместе с ним — дверь счастливого дома, где мы навседа вместе: мама и отец, Наташа и я, баба Варя с де-

дой Симой, баба Сара и дедка Гриша. Так я называл Григория Семеновича Постола, не зная, что мой дед Моисей лежит во рву у входа на хабаровское кладбище. Глубоким, как этот ров, оказался ящичек...

Прадеды Михаил и Павел, Абрам и Яков, прабабушки Тамара и Татьяна, двоюродные деды Борис и Лев, двоюродные бабушки Полина и Фаня, их дети, внуки и правнуки... Я пытаюсь представить нас всех за одним столом — раздерганных по земному шару, сгинувших и уцелевших, красных и белых. Но застолье не складывается:

Михаил с ходу принимается доказывать Шурке гильность плановой экономики, баба Варя интеллигентно, но твердо объясняет шанхайскому педиатру Полине преимущества бесплатной медицины, мои строгие сыновья уже готовы сцелиться за судьбы мира с самоуверенными вашингтонскими племянниками. Но тут ты берешь аккордеон...

«Утомленное солнце нежно с морем прощалось...»

Вы с отцом танцевали это танго в хабаровском Доме офицеров. А в харбинских танцзалах его пел Вертинский. Вдруз затих, бросив тяжелую голову на кулак, Михаил. Робко подтянула тебе вторым голосом красавица Фаня. И баба Сара, раскрасневшись, как в юности, приглашает на белый танец язвительного Миню...

Второй раз я пришел на Лубянку с твоим внуком Андреем. Попросил его переснять хорошей оптикой уголовное дело Моисея. Я хотел, чтобы он тоже увидел подпись своего прадеда под допросами, на которых Моисей ничего не признал. И больше не говорил, как многие молодые сейчас, что дыма без огня не бывает.

Андрей тщательно все переснял и даже вспотел от усердия. А когда мы вышли с Лубянки, впервые спросил про тебя и про отца. Какими вы были...

— Попроцайся с прадедом, — шепнул я Андрею, когда мы собирались уходить.

И он вслед за мной погладил закорючку-подпись Моисея под расстрельным протоколом. Когда-нибудь, я верю, он скажет об этом своим детям. И они тоже почувствуют себя потомками.

31 марта

Окончательно решили переезжать на П Хабаровск в новый дом.

Дают квартиру нам из трех комнат. Отопление центральное. Будет и водопровод с

канализацией. Все подведено в дом, но не соединено с центральной системой, и будет пущено в эксплуатацию позже. Обещают въезд в дом к первому мая.

Моя квартира осточертела: все рушится, падает, трескается. Да и соседи надоели: целую неделю ведутся чванливые разговоры о покупке броши за восемьсот рублей...

10 апреля

Очень рада, мамочка, за тебя, что ты приобрела пальто с чернобуркой и платье. И десять лет сбрасывать ни к чему. Вон смо-

три, наша соседушка: в пятьдесят один год вышла замуж, отбив мужа у соперницы... А ты всего на семь лет старше, так что носи себе на здоровье, не скромничай. Кстати, соседи наши поссорились между собой из-за «Анны Карениной». Передавали ее по радио, и Аф. Ив. принял восхищаться Карениным и ругать Анну, называя ее площадными словами... Вот тебе и «высшее» образование! Супруга его встала на дыбы, они поругались, и сегодня она мне плакалась на кухне. Велик Толстой; до сих пор волнует умы своей «Анной»...

ТАНЯ ТЕРЕШЕНКОВА: САШКА

Из студенческого дневника

1 декабря 1949 года

А он любит, как он любит! Слепо, переоценивая и обожая, как божество. Я для него — «звездочка», «капризный ребенок», «маленький изверг», как он только меня ни называл. А поцеловать меня он не решается, робеет, как мальчик. Он сам не знает, что бережет меня, чистой и нетронутой, для другого. Но с ним я не боюсь ничего: ни неверно сказанного слова, ни неаккуратной одежды, ни своих недостатков: все будет хорошо и красиво в его глазах.

2 мая 1959 года

Двадцать девятого был у нас в больнице вечер. Я участвовала в худ. самодеятельности, которая всем очень понравилась, потому что там активно участвовали и молодежь, и наши старички. И даже в роли конферансье была начальница больницы Жданова.

Особенным успехом пользовались частушки «На злобу дня», которые сочинила нач. диз. отделения Малютин. Пели их две сестрички очень хорошо, а играла им я. После этого все врачи сложились по десятке, купили вина и закусок и в кабинете главврача все это выпили и закусили. А потом пошли вниз, где плясали и пели со всеми вместе. С детьми был Саша, я вернулась в 12.30 ночи, а он не спит. Ворочается...

21 мая

Здравствуйте, дорогие наши!

Рада, что переиздаются «Встречи на дорогах». Здесь эта книга имеет шумный успех. Давала я читать нашим педиатрам (по их просьбе, конечно), все в восторге.

Хорошо помню твою фразу: «Наши дедушка видел Ленина». Весной 1917 года Ефима Терешенкова, бойца телеграфной роты саперного батальона, прошедшего за три года войны Румынию, Буковину и Галицию, выбрали делегатом на Всероссийский крестьянский съезд. Он бродил по растревоженному слухами Петрограду, дивился белым ночам, дисциплинированно просиживал от звонка до звонка в прокуренном съездовском зале. И, конечно, восторженно аплодировал лысому картовому большевику, призывавшему забрать землю у богатых и отдать нищим. Еще бы сыну бедняка не рукоплескать Ленину...

Вот только скучный Ленин у него получился. Залакированный, как в советских учебниках. Сам ли автор вынужденно сделал его таким или цензура утюжила неповторимые детали — не могло их не быть! — в книге нашего впечатлительного деда Симы...

А лучшие строчки в ней — о детстве.

28 мая

В субботу я ездила к Саше на вручение им Красного знамени Министерства и министерской премии. В зале были одни паровозники, человек триста. Сугак произнес речь, причем на сей раз отступил от своих правил и сыпал одни дифирамбы. Затем он вручил знамя Саше, и тот выступил с ответной речью.

Потом выступали товарищи и грозились оставить знамя в депо и на II квартал. Затем нач. отд. кадров огласил Сашин приказ о премировании. Товарищи поднимались на сцену, а Саша жал им руку и вручал либо подарок, либо деньги. Подарки были довольно

ценные: хруст. вазы, проигрыватели, часы, отрезы, сервизы и т. д. Всего премировали двести человек. Лица сидящих в зале мне понравились: все как именинники.

Именинники уже забыли, как встречали в штыки нашего новатора. И тяжеловесы стали водить с толкачами, как миленькие!

11 августа 1959 года (после отпуска)

Здравствуйтесь, дорогие наши!

Итак, второй день мы уже дома. Встретил нас Саша. Он подготовился к встрече надлежашим образом: купил овощей, мяса и даже наварил картошки. А главное, получил премию: оклад. Оказывается, депо за II квартал снова взяло Красное знамя министерства. Мне он вручил полторы тысячи, и денежная проблема перестала существовать.

Мы уже в долгожданном доме на Втором Хабаровске.

Сегодня ходила в детсад к заведующей. Детсад переполнен, и если бы не протеже Сары Абрамовны, ушла бы ни с чем. Заведующая рассыпалась в дифирамбах С. А., говорит «она спасла мне жизнь, и ее внучат я приму без разговоров». Показала детсад, очень хорошее типовое здание, светлое, нарядное. Прекрасная территория, вся в цветах и беседках. От дома далеко, минут двадцать хода, но поликлиника рядом.

Погода стоит великолепная, жара невыносимая, +26–28. А без нас здесь все время шли дожди. Так что и здесь нам повезло. По приезде обнаружила в квартире тучи мух, пришлось затянуть все окна и форточки, завесить балкон, а потом начинать экзекуцию. Даже Игорь ходил и щелкал...

19 августа

В воскресенье вечером, прямо перед нашим балконом, отрезало мальчику руку. Прыгал на ходу из вагона товарного поезда, вот игра! Мальчишке лет десять, сын машиниста. И главное, что идет сам, поддерживая отрезанную руку здоровой рукой, а ведет его мужчина. Мне стало плохо, а когда очухалась, побежала в больницу, но его уже увезла «скорая помощь».

Кстати, Игорь связался с мальчишками-школьниками, и это мне не нравится. Они не понимают, что ему всего три года; считают, что сверстник. А он мотается за ними в са-

мозабвении, даже похудел. Водит их домой табунами, а сегодня даже просился идти на речку купаться!

Взрослые пацаны прыгали с вагонов, сновавших взад-вперед по пересечениям маневровых путей. А у мелюзги и забавы были мельче. В темноте мы натягивали через шоссе нитку, которая в свете фар выделась толстым тросом, и шоферы с визгом били по тормозам, выскакивали из кабины, матерясь; и сердечко колотилось в самом низу живота, когда мы неслись прочь в спасительную черноту дворов...

В это лето мы переехали в удивительный дом. Через дорогу от него слыло гудел, лязгал сцепками, скрежетал Транссиб; паровозные прожектора волшебным высвечивали по ночам отцовское депо; с манящим грохотом мимо нашего балкончика проносились скорые, пригородные и товарные. Прокопченный сажей, пропахший креозотом, дом казался вокзалом, да он им и был. Потому что на восток и запад от него нам были открыты все дороги.

Но каждый вечер, шатаюсь от усталости, мы возвращались на его перрон. Во дворе этого дома отец в трико и майке играл по воскресеньям в лапту, а Наташка с девчонками помогала сажать цветы в палисаднике. А возле черного входа в магазин по вечерам стояла печальная лошадь с телегой, привозившая хлеб. Горячую корочку, засыпанную сахаром, я грыз в подъезде, пристроившись на лестничной ступеньке, и сахар так колюче таял во рту...

Год назад я вернулся сюда. Посреди двора лежал, обняв землю, пьяный бродяга. Горы мусора накрыли цветник. Серые шторки собирали пыль в улыбчивых окнах моего детства...

И только поезда все так же пролетали мимо вокзала, где больше не продают обратных билетов.

25 августа

Завтра пройду по магазинам и базару. Торжество близко, а у меня кроме двух банок горошка нет ничего. Кстати, я закончила почти свою картину за эти дни. Как жаль, что не могу заказать папе набор масляных красок! Картина ведь первая, а получилась неплохо. Чувствую, что последующие были бы лучше. Итак, на рождение повешу свое искусство.

Юбилей. Тридцать лет...

31 августа

Здравствуйте, дорогие наши!

Позавчера отпраздновали мое рождение. Наприглашала уйму народу, но, слава богу, некоторые не пришли, а то бы не знаю, куда и садить.

Было всего семнадцать человек. Прошло хорошо, очень весело. Остались ночевать Татауровы и Бланковы. Потянули жребий, кому где спать, мы с Сашей выиграли свою собственную постель, чем и были очень довольны.

Много смеялись, шутили, спать улеглись в два часа ночи. Сейчас вот убрала квартиру, все расставила по местам, из шести букетов сделала три и пишу. Кушали мы в столовой, пришлось ставить три стола, а в третьей комнате я оборудовала салон отдыха, там танцевали. Очень хорошо пели под пианино. В общем, по-моему, все были в ударе. Подарки были следующие: Бланковы — черную китайскую вазу, Татауровы — домашние модные туфли без задников, Саня — набор духов «Московские», С. А. и Г. С. полдюжины вилок и ножей из нерж. стали, Волошины — безделушку «Ландыш» из кости, а наши врачи вскладчину накидашку из русского плетения на подушки, очень красивую.

Отец был выдающимся поборником подарочного парфюма!

15 сентября

У Саши неприятность; правда, не по работе, но все же. Приезжала к ним в депо корейская делегация во главе с министром путей сообщения Кореи. Они там показали им депо, а затем угостили по всем правилам вином и закусками. В общем, все прошло очень хорошо. Но затем Сашка, не подумав о последствиях, собрал мастеров, чтобы они доели и допили оставшееся...

Окончания письма не сохранилось. Ту крамолу, что вызвала гнев бдительного начальства, мне представить трудно. Отца, не накормившего своих мастеров, — невозможно.

4 октября

Сегодня выходной, мы целый день дома. С утра бегала на местный базарчик за продуктами, ребят оставляла одних (Саша убежал в депо, готовить паровозы под Хрущева...)

Знаменитый визит Хрущева на Дальний Восток, когда, потрясенный пальцим

октябрьским солнцем, он отменил надбавки жителям нашего якобы сурового края. Зато построил фуникулер во Владивостоке, назвав его вторым Сан-Франциско...

Заветной мечтой моего детства было хоть глазком взглянуть на живого Никиту Сергеевича. Эски, им реабилитированные, возвращались из лагерей; вырастали, как грибки, кварталы «хрущевок» от Второго Хабаровска до Сокольников; полетел в космос Гагарин... Я не думаю, что в детсаду нам разъясняли суть хрущевских реформ. Но, наверное, что-то цепляло меня в ваших интонациях и улыбках, когда вы говорили о нем. Я иначе как мог заворожить меня неказистый лысый мужик?

На крутом переломе пятидесятых и шестидесятых годов у каждого в нашей стране была своя оттепель. Теперь я понимаю, что для меня ею стала смешная хрущевская шляпа. Соломенная, как у моего отца. Никита Сергеевич представлялся мне чудотворцем, сродни Никите Кожемяке, вплоть до первого класса, когда я с упоением читал развешанные по городу плакаты «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» И каждый раз удовлетворенно подсчитывал, что в 1980 году, предначертанном Хрущевым, буду совсем еще не старым.

14 октября

Завтра знаменательный день — день рождения папы. Дорогой мой, поздравляю тебя от всего сердца, желаю тебе здравствовать долгие и долгие годы, желаю тебе больших успехов в твоей творческой работе: чтобы получалось именно так, как тебе хочется... Должна тебе сказать, что ты самый лучший и достойный из всех отцов, это мое твердое и окончательное убеждение.

Деда Сима родился в октябре 1893 года, при махровом царизме. Ровно через сто лет, в октябре 1993-го, его внук бегал с блокнотом возле парламента, который расстреливали танки первого российского президента. А внутри этого сумасбродного столетия мы с дедом пили газировку по три копейки на владивостокской набережной. Как все близко...

20 октября

Вычитала в журнале «Здоровье» описание своей болезни, все доподлинно, как у меня: и зрительная аура перед головными болями, и чувство онемения в руке, губах,

языке. И называется моя болезнь — мигренью. Вот так-то. Разумеется, я сразу повеселела, и Сашка тоже повеселел. Я-то подозревала уж чуть не опухоль мозга.

3 ноября

Мы с Сашей в субботу ходили на комсомольскую свадьбу, устраивало паровозное депо. Посылаю билет с портретом жениха и невесты, чтобы Вы имели представление. Было сто сорок человек народу, и в общем прошло весело. Саша был за главного тамаду и, надо сказать, справлялся успешно, я даже не ожидала, что он может быть так остроумен. Гости награждали его смехом и аплодисментами. В качестве подарка он вручил молодым ключ от квартиры.

24 ноября

У Саши радость на работе: получили дорожное красное знамя и красное знамя горкома партии. Итак, в депо два знамени. Это все хоть искупает, что ничего не помогает дома. Впрочем, в минуты искренности говорит, что и работает до упаду только ради меня. Хоть тут-то любовь до гроба...

1960 год

Иван Севастьянов — друг отца, занимал разные должности на ДВЖД, последняя — заместитель начальника дороги.

Александра Чашина — начальник стационара в больнице Хабаровска II, соседка по подъезду.

4 января

Сегодня уже начали «отрыгаться» новогодние празднества. Поступают очень тяжелые дети. Сегодня с одним двухмесячным возилась с девяти утра до четырех дня, поступил в предагональном состоянии, а потом наступил отек легких и длительная агония. Мать голосила на всю больницу, отец плакал в прихожей. А мы накачивали ребенка чем можно и чем нельзя. И представьте, случилось чудо: ребенку стало лучше.

Никто из нас, врачей, не ожидал этого, все искренне удивлены и обрадованы, конечно.

18 января

Тринадцатого числа (у Вас там сердце не екало?) Наташка чуть не попала под машину. Спасибо, шофер вовремя затормозил и свернул в сторону. Все же крылом

ее ударило и сбilo с ног. Не обошлось все благополучно, отделалась лишь синяками на коленках. Я же так закричала, что сразу охрипла, и целый день поперхивалась. Отголоски же сейчас: была опять мигрень, но в очень легкой, стертой форме, только намеки.

Саша правильно сказал по этому поводу: «Ты не Игоря держи, он и так боится машин: ты ее держи обеими руками». А ночь после этого происшествия мы оба плохо спали. Как она, балда, будет в школу ходить, не знаю.

Не помню твоего крика. Но сцену вижу, словно вчера: морозная дымка, огромное колесо, и рядом с ним лежит укутанная, как кокон, Наташка. А меня душит черная зависть к сестре, которая, конечно же, станет в детсаду героиней дня.

9 февраля

Саша сегодня получил выговор за то, что машинист зарезал паровозом женщину. Спрашиваю: тебя-то за что? Говорит: для порядка...

18 февраля

Только что вернулась со ст. Кругликово, где осматривала детей в школе. У нас у всех есть свои станции, где мы наблюдаем за ребятами. Ребятишек в д/сад утром отводил Саша, так как я уехала в 7.20. Смеялись, он рассказывал, как они бежали за автобусом: он с Игорем на руках, а Натка следом. Все же успели. Он говорит Наташе: «Ну, вот видишь, мы победили все же, догнали автобус». Она спрашивает, как победили? Он ей объяснил. Тут в разговор вступает Игорек: «А мы тоже с мамой один раз победили: автобуса не было, и мы с ПервогоХабаровска ехали на такси «Победа».

13 марта

Вчера С.А., выслушав мои рассказы о гостях, незаметно сунула мне в сумку сто рублей. Приезжаю домой, а в сумке деньги... Общее мнение, что у нас чрезвычайно редкий симбиоз свекрови и невестки. Она везде меня нахваливает, а Сашку ругает, что мне не помогает.

Оставляю место Наташе.

БАБУШКА МЫ С ИГОРЕШАЙ ДОМА НЕ СОРИМСА УЖ УБИРАИМ ИТАЖРКУ И ИГРУШКИ МЫ СИВОДНЯ СТИРАЛИ С МАМАЙ НАСАВЫЙ ПЛАТКИ.

20 марта

У Саши депо опять удлинило свои тяговые плечи, Сугак прямо с ума сходит. Ездят они сейчас до Биры. Соответственно, число рабочих в депо увеличилось до двух тысяч. Он три дня подряд приходил в три часа ночи, даже похудел. Сегодня с утра бродила по баракшке с целью купить ему сапоги. Но купила лишь два веника и вернулась восвояси домой.

26 марта

Саша второй день в командировке на ст. Ин. Поехал туда с неприятной миссией устанавливать расценки. Депо-то прикрыли, а платят людям по старым расценкам, никто не хочет в это дело ввязываться. Плевался и чертыхался, но поехал. Теперь штат у него возрос уже до двух тысяч человек. А тут проблема: необходимо отбить практику в тепловозном депо где-то в Сибири. Без этого не допускают к диплому. Для него же это представляется невозможным, так как никакой зарплаты ему в это время не будет, лишь стипендия триста рублей.

Я, правда, настаиваю как-нибудь выкрутиться. Тем более, что я должна получить сумму в семьсот рублей из общей «черной»

кассы (куда мы ежечасно вносим по сто рублей в стационаре).

31 марта

Здравствуйте, дорогие наши!

С большим интересом прочитала папин краткий отчет о поездке в Китай. Очень рада, что ты встряхнулся, получил свежие впечатления. Это самое главное. И не переживай, пожалуйста, что денег было мало. Не за товарами же ты туда ехал, в самом деле!

Деда Сима наверняка был в Харбине, не мог русский писатель проехать мимо этого города. Что товары, мама! Сюжеты... Харбинские улочки еще хранят стук шагов часовщика Михаила Коца. И зыбкую тень его сына Моисея. Если бы деду Симе знать...

15 апреля

Саша, видимо, в понедельник уедет на практику в Красноярск, если отпустит нач. отделения. Поработает машинистом, чтобы получить права на управление тепловозом.

Курить бросил уже в течение четырех недель, но сердце побаливает. Сказывается бурно проведенная молодость.

ТАНЯ ТЕРЕШЕНКОВА: САШКИНО СЕРДЦЕ

Из студенческого дневника

27 февраля 1949 года

Позавчера в двенадцать часов ночи приходил Саша. Мы вышли с ним на лестницу (знаменитая лестница!). Он был пьян. «Я хочу задать тебе, Танюша, только один вопрос». Я взглянула на него, сердце у меня упало: сейчас будет, наконец, давно созревшее объяснение. Он смотрел так, как будто говорил: убей меня или дай самое большое счастье на земле. «Я слушаю, Саша». — «Хочешь ты дружить со мной?» Я взглянула в темное окно. Что делать? Передо мной встал взгляд Виктора, когда я садилась в автобус, а он стоял и смотрел на меня. Я повернулась к Саше. «Нет, Саша». Он как-то заметался: «Я знал это, поэтому я и решил спросить тебя. Прощай». Он бросился вниз по лестнице и там заговорил с Аркадием Татауровым. Оказывается, он там его ждал. А когда я поднялась наверх, там стоял Миша Бланков. Они боялись, что он что-нибудь сделает со мной. Это я поняла, когда Ида Р. рассказала мне следующее: он попросил вызвать меня и был настолько страшен, что Ида сказала ему: «Надеюсь, что ты ничего плохого

не сделаешь? Да? Ну, а я ни на что не надеюсь и ни за что не ручаюсь». Я рисковала, но ведь он меня любит. А сделать зло любимой — невозможно.

15 апреля 1960 года

В ожидании бабы Вари мы в эту неделю поболели немного. У Игорька болел глаз, попал кусок грязи в д/саду, а он его сам вынимал. К вечеру краснота, отек, резь. Пришлось капать альбуцид. Сейчас глаз в порядке. А у меня вдруг панариций, да такой, что две ночи спать не дал, пока сама не вскрыла. Сейчас подживает.

Наташа, глядя на наши страдания, сказала: «Ой, ну лучше бы у меня болел и глаз, и палец...» Отсюда можно судить о благородстве наших взаимоотношений...

Кстати, Наташа копит все бабушкины письма и периодически читает их Игорю. Тот слушает внимательно, ибо там есть слова про машину. Если этих слов долго нет, то ему становится скучно, и он уходит, а она кричит вслед: «Да вот уже, вот!»

Твой сын усмеивается. Твой редактор аплодирует...

13 мая

Здравствуй, дорогой наш папочка и дедушка!

Итак, получай обратно свою бабушку. Нового дедушку мы ей тут найти не позволили: слишком у нас хорош старый. А жилось нам с бабушкой очень хорошо, что там говорить. Игорь впервые за полгода выспался и наслушался книжек, которые ему охотно читались. Я отошла от постоянного напряжения и забот, передохнула душой и телом. Маму же мы, на мой взгляд, неплохо подлечили, у нее даже щеки заметно налились. Получила она вливаний двенадцать глюкозы с аскорбиновой кислотой и шесть вливаний витамина В12. С внуками у нее был полный мир и лад.

О них она тебе подробно расскажет. Расскажет, да может и соблазнит тебя, и ты к нам приедешь. Очень тебя ждем и приглашаем. Кстати сказать, проводив маму и вернувшись домой, я застала Наталью в горячих слезах. «Ключ потеряла?» — спрашиваю. Она молча протягивает мне ключ, надетый на скакалку. Оказывается, плачет потому, что очень долго ждала маму и решила, что мама попала под поезд. Глядя на нее, всплакнул и Игорек. Так они сидели на завалинке возле магазина и плакали.

22 июня

После очередной накачки начальника дороги Сугака Саша, видимо, принял твердое решение уйти из депо. Работа там у них не клеится, и он, как видно, не видит перспектив ее улучшить. Да, кроме того, и Сугак, видимо, его обидел. В общем, принял решение уходить и уведомил об этом отдел кадров.

Начальство, видимо, не ожидало столь сильной реакции, потому что уговаривает остаться. Говорит, Сугак на активе в ДОСА сам подошел с разговорами. Но Саша теперь уже уперся. Предложили ему должность гл. ревизора ДВЖД по локомот. хоз-ву. Работать, стало быть, в управлении и развезжать по дороге с ревизиями (т.ч. ждите в гости...).

Нельзя сказать, чтобы на эту должность он шел с таким же восторгом и спортивным интересом, как шел на нач. депо Хаб. П. Но в общем-то ходит веселый.

Что касается меня, то, с одной стороны, я довольна. Надоело уже жить в постоянном напряжении и видеть его мрачную физиономию.

Кому нужна такая нечеловеческая жизнь? С другой стороны, боюсь, как бы он не заскучал на новой работе, привыкнув к постоянной нервозности да со своей неумной энергией. Опять-таки, не идти же ему в машинисты, это уж пройденный этап. Он, впрочем, как мне кажется, вынашивает какие-то свои планы, в которые пока меня не посвящает. Ничего, будет учиться. Жизнь-то, в общем, еще впереди.

7 июля

Сашин вояж кончился ничем: по-прежнему работает в депо в должности начальника. Уговорил его в основном начальник отделения Кувшинов, т.к. тому Сугак сказал: «Не уговорите Коца, сами сядете на его место в депо». Больше, видимо, подобрать туда некого, не находится дураков. Но все это может и к лучшему: будут хоть уважать немного. При всех недостатках в работе, есть и достоинства, оказывается. О них Саша не любит говорить.

4 сентября

Наташа уже три дня ходит в школу. Из садика их провожали очень торжественно, был утренник. Я догадалась пригласить Бору с фотоаппаратом, и он нашел целую пленку. Причем зафиксировал такой исторический акт, как младшие дети дарили школьникам цветы, и Игорек поднес свой букет Наташе.

Он, кстати, приобрел новое слово: «законно?» Или еще фасоннее: «закон?»

18 сентября

Игорек часто вспоминает лето во Владивостоке, «деду Симу» и многое, что связано с ним (в частности, «смехатуру» в Ворошилове).

Явно не хватает ему деда для ведения мудрых бесед. Таких, как, например: «Раствут ли деревья у воды? А как утки плавают? Почему, когда солнце низко, то тени длинные?» и т. д., и т. п. Донимает меня вопросами, касающимися деторождения, прямо замучил. Вот бы мне сюда деду на помощь.

С Наташей они стали дружной, она ему частично читает книжки, а он смиренно сидит и слушает. Наташа за все время принесла только одну оценку 4. Писать стала аккуратней и самокритичней. Заранее докладывает: «Плохо написала. Даже плакала уже, потому что плохо...»

Сегодня утром я произвела большие закупки: Чащина подняла меня в семь утра, и мы с ней съездили на базар на I Хабаровск. В десять уже были дома с набитыми сумками. Семейство мое подмело полы, вымыло посуду и направилось в депо. Там они лазали на паровоз, гудели и пр.

Дорога до счастья недлинная: десять минут напрямую от дома, через рельсы и стрелки, мимо натруженно пыхтевших паровозов и одиноких вагонов, катившихся с маневровой горки; по цехам, где отец перебрасывался с мастерами важными техническими словами; по крутой, скользкой от мазута лесенке в паровозную кабину...

Где время замирало.

«Кроме поля, деревни, матери и колокольного звона я любил еще (и чем больше живу, тем больше люблю) паровозы...» — через много лет за одну эту строчку я влюбился в Андрея Платонова. Дернуть волшебную ручьятку, оглохнуть от рева и восторга, испуганно оборвать гудок и снова, теперь уже солидно вызвать, его — торжественный, долгий. А потом по-хозяйски давануть ботинком на рычаг топки; она распахнется с лязгом, и пламя жарко ударит в лицо.

Какой же это был закон...

28 сентября

Вечером в выходной всей компанией ходили в ДОСА, смотрели танцора Эсамбаева и приложение к нему. Впечатление сильное, артист замечательный, исполнял танцы народов мира.

Саша же в субботу уехал на охоту (использует все же папино ружье). Уехали на моторной лодке, ночевали в лесу, чтобы встретить зорьку в воскресенье. А тут ночью дождь да с градом. Уснуть не могли от холода. И я не спала, думаю, уж не на дне ли Амура он? Привез одного куличка ростом с воробья. Говорит, подбил гуся, да не смогли достать. А, может, врет, как все охотники...

2 октября

Здравствуйте, дорогие наши!

Вот и прошел воскресный день, промелькнул совершенно незаметно, наполненный непрерывной деятельностью. Вставши в девять часов, я принялась за завтрак, а семейство отправилось колоть дрова. Позавтракали, Саша ушел в депо, я же, вымыв посуду, навертела мясо, раскатала тесто,

здесь подошел Саша, и мы принялись лепить пельмени.

Наташа деятельно помогала в этом. Затем я принялась топить печь, а Саша засыпать балкон опилками. Успешно справившись с этим, сели обедать. Игорешка, бедный, в погоне за «счастьем», монеткой, съел свои и часть чужих пельменей, но «счастье» досталось Наташе. Посуду после обеда мыли дети, а я вытирала. Затем я стирала детское белье, ходила в магазин, из оставшегося теста стряпала на ужин вареники. Затем эти вареники ели, мыли посуду и т. д., и т. п. В общем, сказка про белого бычка. Зато второй день дома паровозных гудков не слышно: то-то благодать. Оборотывали паровозы специальной свирелью с первого октября.

Выходит, повезло мне погудеть на горластых отцовских паровозах. А свирель... Вероятно, речь о воздушном свистке, который отныне применялся в черте города. Конечно, это не пятиголосый чугунный ревун, чье «мощное звучание разносилось на семь — десять километров» (так написано в технической характеристике, но я это понял во время похорон отца).

22 октября

Готовимся к зиме: позаклеили все окна, запасли четыре мешка картошки, бочонок огурцов и бочонок помидоров. Подписались на газеты и журналы. Приложения к «Огоньку» будут: Джек Лондон (чему я особенно рада), Вересаев и Сервантес.

Еще у нас прибавился новый член семьи: Натка притащила котенка и разревелась, чтобы взять. Впрочем, когда через неделю выяснилось, что в ее обязанность входит менять коту благоухающий песок на свежий, она категорически потребовала его выбросить. Но как же теперь выбрасывать? Жалко. Так и живет. Саша сегодня вновь уехал на охоту, в последний раз в этом сезоне.

На сей раз поехали на машинах, а не на лодке, Впрочем, на берег озера. А уж пододелся, как на Северный полюс.

Хочешь, расскажу тебе, мама, как твои внуки побывали на настоящем Северном полюсе? А я там даже играл в футбол на поле, очерченном горизонтами. Горизонты загибались книзу, согласно законам физики, и туда же вниз, к югу, то и дело улетал мяч, сразу треснувший на тридцатиградусном морозе, — он, конечно,

рвался в теплую Австралию или что там было под нами...

Мы много могли бы тебе рассказать. И про пирамиды, и про корриды, которые остались в твоей жизни, как сказки. Как манящие огни. Иногда, когда очень грустно, я представляю тебя и отца рядом с собой в тех волшебных местах, где довелось побывать. Я делюсь с вами веселым деревенским вином в каталонских горах, расплавленной тропой на Везувий, карнавальную площадью Сан Марко...

Сказкой обязательно надо делиться. Но недолго, пока не защемят сердце.

1 ноября

Папа наш на сей раз, приехав с охоты, привез два чирка; одного убитого, а другого живого с перебитым крылом. Подсовывал мне, чтобы я его лечила, но я отказалась, сказала, что с меня хватит и двух пациентов дома. Тогда он отрубил ему топором голову. А так как добывать раненую птицу не особенно приятно, то он и ходил мрачный весь вечер.

1961 год

24 февраля

Учитывая, что автобус теперь дорогой (билет стал в три раза дороже), в детсад с Игорьком ходим пешком. Он предпочитает ходить через двор Наткиной школы, где его сразу обуревают всевозможные размышления: «Ой, какая высокая палка! (на мачту во дворе школы). Чуть не до неба. Смотри, достает до дыма! Она выше девятиклассников. А дядя Степа все равно выше ее. Он даже выше школы». Сетует: «Мама, родила бы ты меня вперед Наташи, тогда бы я уже в школу ходил».

Одержим проблемой: кем быть? При чем основные колебания между летчиком и шофером.

С питанием у нас плоховато, масло, правда, достаем правдами и неправдами, а с мясом ерунда. Ездила на этой неделе на рынок: на весь громадный павильон стоит один продавец и продает телятину по 2,5 руб. за кг, и к нему куда. Простояла, взяла 2 кг, сейчас едим. В магазине же нет ни мяса, ни колбас. Уже вновь разрешили держать свиней, птицу и коров: допрыгались...

Два рубля пятьдесят копеек за килограмм телятины — что-то новенькое с ценами. Это знаменитая денежная реформа

1961 года: купюры 1947 года поменяли на новые в соотношении 10:1, в той же пропорции изменились цены, пенсии, стипендии. Сделано это, как разъясняли партийные циркуляры, «для придания большей полноценности деньгам». Реально же курс рубля к доллару был недооценен вдвое (а кто тогда понимал, что такое курс?), импорт резко подорожал (а многие тогда покупали импорт?), а цены на рынке стремительно ушли вверх от магазинных, после чего из магазинов исчезли продукты первой необходимости (вот это оценили миллионы...).

Министр финансов (а прежде глава Наркомфина) Арсений Зверев, переживший на своем расстрельном посту Ежова, Берия и Сталина, этой весной уйдет в отставку, не согласившись с хрущевской денежной реформой. А на нас уже надвигается продовольственная...

8 марта

Здравствуйте, дорогие наши!

Нельзя и передать, как я рада за Ваше новоселье. Наконец-то поживете в комфортабельных условиях. Хочется надеяться, что за стеной не окажется какого-нибудь музыкального маньяка с ревущим приемником. И тогда уж, действительно, все будет в порядке. Я представляю, как мама плещется в воде и, не веря самой себе, идет в теплый туалет... Все-таки не могу понять, почему папа ходил в баню. Видимо, сила многолетней привычки? Тебе, папа, еще стоит поискать где-нибудь во дворе холодную уборную... А то ведь скучно вдруг так и отказаться от всех неудобств.

Как прошел Ваш переезд, кто помогал? Влезли ли Ваши монументальные кровати в малометражную спальню? Расскажу попутно анекдот на эту тему; в армянское радио поступил запрос: можно ли пользоваться горшком в малометражной квартире? Армянское радио, проанализировав положение, авторитетно заявляет: можно, при условии, что ручка у горшка будет сделана внутри горшка... (Папа, извини за анекдот). Еще вопросы: Игорь и Наташа интересуются, сколько этажей имеет дом? Я интересуюсь: есть ли газ?

Тебе, мама, совет: не спеши в наведении порядка, это очень изнуряет. Времени у тебя впереди много, все успеешь сделать, не торопясь. А мне все равно так и хочется написать эпитафию старой квартире на Карла Либкнехта...

9 марта

Саша вчера ездил за подарками, и на его газик налетела другая машина (кстати, милицейская). Газик помяло, а Саша разбил себе лоб (могло бы и убить...). Купил он мне духи «Праздничные» и комбинацию. И вчера у Бланковых над ним подтрунивали, что он, не зная размера жены, начал в ГУМе примерять комбинацию на посторонней женщине и получил от мужа в лоб...

12 апреля

Игорек замучил меня пластинками, крутит почти каждый вечер. Причем, по моей просьбе заводит весьма неохотно, зато свои любимые вертит по несколько раз подряд. Мелодии застревают в мозгу, и мы все, начиная от Игореси и кончая отцом, напеваем его любимые песни. «Любимый город в синей дымке тает...»

Я, только повзрослев, понял, что «синий дым Китая» здесь ни при чем. И почему «ночь была сливнями...»

Парнишке скоро пять лет. Мечтой его является большой трехколесный велосипед. У соседского мальчугана есть, катаются вдвоем, причем Игорь с большим азартом. Но хозяин частенько отказывает в амортизации, и Игорек возвращается домой обескураженный: «Сашка чего-то сегодня велосипед не дает, но ничего, у меня появится, может, и лучше даже». Это он ждет своего рождения, без конца считает дни, сколько же осталось. Еще требует самолет, губную гармошку, а также в неограниченном количестве машин всех марок... Говорю: «У тебя же полный угол». — «Да они ломаные!» — «А ты не ломал бы». — «А ты купи, не буду ломать, увидишь».

С продуктами плохо: нет ни мяса, ни мясных изделий.

Ты отправила это письмо всего лишь за несколько часов до того, как над пустыми хабаровскими прилавками пронесся в звездной выси Гагарин. Как жаль, мама, что ты поспешила запечатать конверт! И до нас не дошли бесценные исторические свидетельства: как восторженно вам гулялось всю ночь на пыльных тропинках II Хабаровска; как наперевой солировали в честь Гагарина голосистые отцовские паровозы; и, конечно же, как комментировал космический взлет державы твой пытливый четырехлетний говорун.

Мне и через полвека грустно от твоих нерожденных строчек. Хотя давно надо бы грустить о собственных — убитых ленью, во-время не записанных, навсегда ускользнувших из памяти. Я бы и рад, мама, быть похожим на тебя, дисциплинированно отчитываясь о прожитом. Но некому сегодня писать письма.

Да и незачем, если, стоя на светофоре, можно отправить эзэмску на другой край света. Мы безвозвратно забыли, какие это две большие разницы: торопливый файл и письмецо в конверте. Погоди, не рви...

12 сентября

Вспоминания об отпуске растаяли, как сон. Мы живем опять в страшной суете. Я веду весь стационар (пятнадцать детей) и вечерние приемы. А дети сейчас оформляются в ясли и сады (новые наборы), народу в консультации — пушкой не пробить. Прихожу домой в семь часов вечера.

Саша тоже включился в работу с головой, бегает за своими паровозами, ходит мирит своих подчиненных, ибо мужья изменяют женам, а жены мужьям и т. д. И все это становится достоянием гласности и выносится на суд общественности самими же пострадавшими, которые апеллируют затем к администрации...

С продуктами плоховато, нет в продаже совсем жиров. Очень и очень выручило меня твое, мамочка, топленое масло. Я его еще тяну, но осталось мало. Помидоры плохонькие и дорогие. Мяса нет.

Под знаменитый призыв «догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса и молока...» проводились массовые забои скота. Под горячую руку рубанули и дачи, отвлекавшие от созидательной работы в колхозах. Почти в каждом твоём письме начала шестидесятых: продуктов нет, продукты дорогие, продуктов не достать...

Ты хочешь спросить, как сейчас с едой? Гораздо лучше, мама. Давным-давно не забиваем сарай картошкой. Не солим в бочках помидоры. Не собираемся лихой компанией, чтобы зашинковать на зиму капусту. В общем, потихоньку догоняем Америку. Да ей, сытой, и тогда было слабо тягаться с нами — на шумной веселой кухне, наипигованной специями и дразнями.

26 сентября

Вопросы из Игорька вылетают с активной скоростью. И такие, например,

неожиданные: «А у воров тоже бывают сынки?»

Или: «Ты, наверное, жалеешь, что родила меня?» — «Почему?!» — «Да помнишь, я тебе тюль порвал, когда болел?» Ну и, конечно, любимая тема: «Мама, когда я стану дядей, а Наташа тетей, ты родишь тогда еще маленького ребеночка? Я бы с ним нянчился тогда». — «Нет, тогда ты уже сам родишь, женишься и родишь». Подумал: «А Наташа?» — «И она тоже выйдет замуж и родит». Еще подумал: «А над нами никто смеяться не будет?»

Вчера готовимся обедать, а Наташи во дворе не видно. Говорю Саше: «Пошел бы поискал дочь». А Игорь очень серьезно говорит: «Он же не женщина, чтобы ходить да искать...» Саша пришел в восторг от такого мужского взаимопонимания...

20 ноября

Сегодня насильно отобрала у Наташки Пушкина; прочла «Руслана и Людмилу», сидит читает «Дон Жуана»... Придется замыкать книжный шкаф. Говорю, ты же ничего не понимаешь. Говорит: понимаю все. Это «Дон Жуана»-то понимает!

А я в шесть лет взахлеб проглотил «Трех мушкетеров». Помнишь, ты спросила: «А кто такая любовница?», неказанно удивив меня своей наивностью. «Жена, кто же еще!»

15 декабря

Получила, папа, твое письмо. Хочу поспорить с тобой. Откуда такой пессимизм? Я лично слышала много похвал твоим книгам «Встречи на дорогах» и «Женя Журавина». Да иначе бы твои «Встречи» столько раз не переиздавались. Значит, твой труд доставляет радость людям. А что еще нужно писателю?

Ты пишешь: «Вижу, что в конце дороги и не туда забрел». А я не вижу этого. Если бы ты начал писать с молодости, был бы ты так же удовлетворен и так же признан, как работая учителем? Это ведь еще неизвестно. А что нет желаемых сил и горения (как ты пишешь), так мой тебе совет: пиши по силам, и уверена, что этого будет достаточно для читателей, не терзайся зря.

Посмотрю я здесь в терапии, какие дряхлые становятся люди под старость, сколько у них хвороб и всевозможных жалоб, сколько брюзжания и эгоизма. И становится мне очень радостно, что Вы хоть и старше по

возрасту таких нытиков, а сумели пронести и сохранить такие молодые и ценные черты, как доброта, чуткость, забота о ближнем, самокритичность и недовольство собой.

Я же для себя и Саши не желаю ничего иного в будущем.

1962 год

8 апреля

Игорек носит кирзовые сапоги, которые буквально выплакал у меня (ведь все мальчики их носят, а он нет). Пока сапоги неслись из магазина домой, он их всю дорогу целовал. Придя домой, обул и заявил: «Сегодня самый счастливый день в моей жизни». Вот, оказывается, как немного надо для счастья! Вид у него в этих сапогах комичный: мордашка нежная, а на ногах «кирзухи» тридцать первого размера (меньшего не было, а он ревел: купи эти...) В общем, баба Варя упала бы в обморок, наверное, от его теперешнего вида. Одно утешение, что грязи, действительно, много и луж тоже, и сапоги используются на все 150%.

Погода стоит теплая, весенняя. Многие уже сняли шубы. Я приобрела себе модную вязаную зеленую шапочку. Нашей начальнице привезли из Москвы, а ей не идет. Цвет такой же, как у шарфика. Саша посмотрел на меня и одобрительно сказал: «Ужас!...»

12 апреля

Саше из Москвы пришел ответ, что его переводят в Хаб-ий заочный институт. И он готовится начинать серьезные занятия, причем хочет переучиваться на электровозника. Видимо, потому что тепловозники в службе уже есть (Севастьянов, Нечаев и др.), а электровозников нет.

А на дороге будет вводиться электрическая тяга. Обложился книгами, сидит и стонет, что голова в тумане и ничего не соображает. Но, видимо, просто требуется втянуться в это. Ему предстоит тяжелая работа.

Все то, что он делал до этого, по существу, не учитывается. Сдавать ему придется тринадцать экзаменов и писать уж потом диплом.

В двадцать три года — первый диплом, в двадцать девять — второй, в тридцать четыре — пошел за третьим... Ты все еще удивляешься, мама, этой сокрушительной целеустремленности? Его дед был таким же. С нуля развернул бизнес в неведомом

Харбине; квартиру снимал, потому что прибыль вкладывал в дело. А из Харбина уехал одним из последних российских эмигрантов, лишь после смерти второй жены Ксении, с которой прожил почти сорок лет. Возможно, она болела, и Михаил откладывал отъезд, опасаясь тяжелой дороги. Да так и похоронил Ксению на харбинском погосте...

Отец и однолюбом был в него.

17 апреля

Здравствуйте, дорогие наши!

У нас здесь большая новость: мы, кажется, переезжаем на новую квартиру. Кажется, — потому что ордера пока на руках нет, но есть уже такая бумага, где стоят подписи нач-ка дороги, дорпрофсожа и нач-ка отделения Кувшинова. Так что видимо, и ордер будет.

Отца назначили заместителем начальника локомотивной службы ДВЖД: большие десятка депо от Владивостока до Архары и Сахалина, сотни локомотивов, тысячи паровозников... Это уже его масштаб.

Квартира, представьте, находится в доме, где живут Постолаы, в ГУПРе, на четвертом этаже. Квартира прекрасная, две комнаты в 38 кв. м. с высокими потолками, с просторной кухней (даже большой), с ванной и туалетом и даже с газом.

Но... есть еще и третья комната, где живут двое молодых людей и у них шестимесячный ребенок. Их целыми днями не бывает дома. Столуются они у родителей здесь же, на втором этаже, там же и ребенок круглый день. Дома они только ночуют. Жена жаждет переехать в отдельную квартиру, а муж не жаждет, не хочет отрываться от родителей. Но мы идем на это неудобство (я имею в виду общую кухню), так как полагаем, что это не вечно. А такой возможности получить квартиру в центре, и не малометражную, больше, конечно, не предоставится. Словом, мы решили, а уж как там будет дальше, не знаю.

Пока я еще работаю, а Саша находится в Уссурийске в командировке. Я начала стирать все шторы и салфетки на всякий случай. Новый адрес такой: Серышева, 52, кв. 7.

21 апреля

Итак, въехали в новую квартиру, белить не стали, как-нибудь потом. Главное было

въехать вовремя, ибо были на нее и еще претенденты. Устроили Игорька в д/садик прямо у дома, благодать! А Наташу с большим трудом в пятую среднюю городскую школу, она находится неподалеку, угол Шеронова (где идет трамвай) и Вокзальной. Эта школа слатится как хорошая, она переполнена. Но Натку с ее отметками все же приняли.

Где буду работать, пока не знаю, но якобы прочат меня в начальники детского поликлилин. отделения ж/д больницы. Не знаю, неужели не могут найти в своем коллективе подходящего человека? Врачи здесь все со стажем. Что-то здесь не то.

Я мечтаю о том времени, когда соседи уедут, освободится третья комната, и Вы переедете к нам. Шума тут нет, простор из окон на весь Хабаровск. Рынок рядом, кино рядом, все близко. Уже купались в ванне, а преимущества газа говорят сами за себя: обед из трех блюд готовится за сорок — пятьдесят минут. Вы просили меня нарисовать план квартиры, постараюсь.

25 апреля

Саше депо на прощанье подарило великолепное ружье в кожаном футляре. На прикладе серебряная пластинка с дарственной надписью. Вдобавок еще прекрасный рюкзак и охотничья фляжка, полная влаги... Сашку вызвали в депо, собрали коллектив, сказали прочувственную речь, он едва не всплакнул.

28 апреля

Сегодня приглашенные на новоселье приволокли подарок — очень хороший шифоньер. Старый шифоньер поставили в прихожей, тесно, зато обувь не валяется, и Буян ее портить не будет.

Песик наш растет себе, грызет обувь, рвет мне капроны, просто беда. Каждое утро в 6.30 поднимается с постели хозяин и двое деток и ведут собачку гулять. Утренний рефлекс у него уже выработан, чуть проспят на тридцать минут, потом ходят по комнатам, собирают урожай...

11 мая

Жизнь моя течет не в совсем обычном русле, ибо изменилось главное — работа, а обязанности администратора (старшего педиатра) для меня, действительно, новые. Штат такой: врачей семь человек (без меня), сестер девятнадцать человек, санитарки три. Врачи мне все известны, характеры у них разные, придется, может быть, и

понервничать. В основном ознакомилась с работой. На очереди сейчас подготовка к дню здоровья и устройство именин детям, рожденным в мае 1961 г. Работаю пока на ставку с перерывом на обед, но в период отпусков придется работать на 1,5. Не скажу, что работа не нравится, но пока тяжело. Я купила себе кожаную сумку беж за одиннадцать рублей, ибо мою черную, оставленную по неосторожности на стуле, Буян обгрыз... Ничего не поделаешь, мои дорогие, положение обязывает теперь ходить прилично экипированной, залезла, так сказать, в начальство.

3 июня

Саша усиленно готовит свою электротехнику, сидит на работе до десяти часов и занимается. Друзья его смеются, предлагая мне звонить ему через каждые пятнадцать минут или неожиданно забегать вечерами...

Саша говорит, что в ноябре начнется электрификация Владивостокского отделения, и что к этому времени ему нужно уже кое-что сдать. Видимо, будет руководить электрификацией. Возможно, и поживет у Вас.

Летний день на станции Седанка под Владивостоком. Ты загораешь внизу, у моря. А мы с отцом забрался на деревянный столарий, врптык к железной дороге. От станции отходит электричка, высунувшийся из окошка машинист расплывается в улыбке, завидев экзаменатора. А тот, в ярких японских плавках, с бумажкой на горбато носнице, в ответ поднимает свою лапу, как принимающий парад полководец. И провозжает состав цепким взглядом профессионала: вдруг колодки искрят или буксы дымятся.

А я гордо жду следующую, и следующую, и следующую электричку, и все новых машинистов, которые весело машут отцу...

14 июня

Здравствуйте, дорогие, родные наши!

Получили вчера Вашу богатую московскую посылку, уж как благодарить папу-путешественника и не знаю. Главный подарок — доха; чудесная! Сидит прекрасно, как будто на меня шита. Как раз о такой шубе я и мечтала. Никакие другие мне не нравятся. Носить я ее буду лишь на выход, а на постоянную носку пойдет и старая шуба, да, может, еще и пальто сошью из маминого старого. В общем, на зиму одета, как дворянка.

Буян долго подозрительно принохивался к новому костюму Игорька, а потом принялся облаивать: не узнал. Игорешка, впрочем, был в восторге: «Он принимает, наконец, меня за папу». Затем костюм сняли, но пес ходил за Игорем и не своим голосом визгливо его облаивал. Сегодня Игорь вновь потребовал достать штаны, чтобы убедиться, что сзади нет кармана. Это, оказывается, дурацкая мода. Беда с мальчишкой!

Катер ему чрезвычайно пришелся по вкусу: утром и вечером он справляется, хватит ли ему времени для его запуска, запирается в ванную и плюхается там, а Буян, став передними лапами на ванну и насторожив уши, следит за передвижениями катера и возбужденно лает, чем приводит своего обожателя в восторг.

Выдающийся был катер. С моторчиком!

Надо сказать, что Буян обращается с Игорем как с ровней, не ставит его ни в грош, не слушается и постоянно огрызается. К Натке отношение совсем иное. Зовут его ребята почему-то «Бруней», и он охотно откликается. Буянит много, оправдывая кличку, но когда, обиженный, он уляжется под кровать, выставив морду и глядя умными печальными глазами, как тут его не приласкаешь?

9 июля

Уехал Саша шестого числа в Красноярск, на электровозную практику.

Там же он хочет получить и права на вождение электровоза. Провожали мы его на вокзал на «газике», Наташка до того расстроилась, что побледнела, даже позеленела. Пришлось ее откармливать мороженым.

Итак, мы остались одни. Ходим с Наташей обедать в столовую, которая находится неподалеку, откуда несем в баночке обед Буяну, который он тут же съедает. Кстати, кто-то за ним охотится. Сашу перед отъездом предупредили, что на Буяна точат зуб, чтобы берегли. Вчера днем мы отпустили его одного, и он долго отсутствовал. А потом прибежал с веревкой на шею и весь грязный, видно, валялся, когда его тащили. Днем решили теперь одного не пускать, но утром все же приходится, т.к. я его выпускаю в шесть часов утра и ложусь досыпать. Наверное, утащут все же, раз уж охотятся.

Вчера приехал из Киева со съезда Григорий Семенович, привез подарки: мне

крепежешину новую блузку, Саше вышитую рубаху «хрущевку» (представляю Сашкину мину при виде ее...).

Наташе Г.С. привез громадную куклу, доходит Игорю до пояса, а Игорьку большую деревянную машину белую с зеленым. С Наташиной куклой целая история: Буян так и не сводил с нее глаз и сегодня, в наше отсутствие, пользуясь тем, что Наташа плохо закрыла дверь, он стащил куклу с дивана, содрал с нее прическу и разнес волосы на куски. Сама кукла не пострадала, но оказалась лысой. Натка так рыдала, что стало ясно: что-то надо предпринимать. Решила я приделать кукле настоящие косы из своих (они уже поободрались), и будет она, несомненно, еще краше. А Буян залез под кровать и глядел оттуда печальными глазами.

Вот где аукнулись твои косы из августа 1958 года! Выходит, отец тогда одобрил покупку века...

14 июля

Украли все-таки нашего Буяна. Случилось это одиннадцатого числа, и до сих пор его нет. Гуляла утром я с ним с шести до семи утра, по существу полураздетая. Затем поднялась, разбудила Натку, она оделась, взяла поводок и сразу же пошла, минут ч/з 10-15. И уже не нашла. Видимо, и за мной тоже следили. При такой настойчивой охоте навряд ли можно было его уберечь.

Для очистки совести наш знакомый Соколов сходил в сан-трест, видел там битых собак, но нашего не нашел. Да это не их дело, ясно. Дети, конечно, всплакнули, но меньше, чем я ожидала.

Больше всех, видимо, переживаю я, так как мне он и достался-то тяжелее всех. Две ночи я совсем не спала, все слушала. Да и днем не лучше. Заявили в милицию, да они говорят, что пропало много людей, и они их найти не могут, так что им не до собак. Больше заводите их не будем: уж очень тяжело терять.

1 августа

Здравствуйтесь, дорогие наши!

Итак, второй день я живу одна. В первый вечер от тоски сбежала в кино, а придя оттуда, ходила весь вечер как потерянная, не зная, к чему приложить руки. Вчера вечер потратила на наведение красоты: сделала себе паровую завивку, коротко обрезав волосы, а затем еще укладку.

Потратила на это три часа времени и три рубля денег. Вид у меня стал задорный, но вообще-то ничего, приемлемый. Катаюсь на машине по вызовам, сегодня, например, была в совхозе Дорурса. Завтра меня ставят дежурить в больнице.

Милый папа, мужайся! Воображаю тот шум и гам и беспорядок, который ворвался к Вам вместе с детьми. Но без них еще хуже, квартира как пустая. Смотрим с рыбами друг на друга через стекло аквариума...

9 августа

Здравствуйтесь, дорогие Наташенька и Игорек!

Приехал из Красноярска папа, привез электровозные права. Он очень о Вас скучает, и я тоже. В День железнодорожника мы с ним ездили на пароходе на Зеленый остров. Там было очень хорошо, и мы жалели, что вас не было с нами. Нам было даже скучно. Были там и Бланковы, но тоже без детей, и они тоже жалели, что не взяли.

Погода у нас стоит жаркая, душная. Вчера мы с папой ходили на футбол. Играли Хабаровск и Томск, выиграл Хабаровск со счетом 1:0. Вот приедешь, Игорек, будем с тобой ходить на футбол вместе.

Наташенька, а вы все-таки споритесь и деретесь. Это нехорошо, ты ведь мне обещала не спориться. Прочитай это письмо и Игорьку. Крепко целую вас, мои родные.

Ваша мама.

Интересно, в просторной и теплой электровозной кабине скучал ли отец по паровозному ревуну? По угольным искрам в ночном небе? По ветру в лицо? Наверняка. Ведь с паровозами навсегда было связано главное в его жизни — любимая женщина и любимое дело. Но, храня верность постаревшим железным коньягам, он, конечно, не представлял уже свою жизнь без стремительных оленей с рогами-пантографами на гордой голове...

Это я равнодушен к ним. Я и сегодня, разинув от восхищения рот, замираю перед огромными колесами и таинственными шатунами отцовского паровоза...

8 октября

Мы вчера все же отметили свое свадебное десятилетие. Гостей было двадцать человек, прошло, как всегда, весело. Мне даже сказали комплимент, что на II Хабаровске перестали собираться, потому что компании не удаются; а стоит мне затеяться, и все

удается. Кстай, Саша очень тронут Вашей телеграммой, перечитывал ее несколько раз.

Он скоро опять уедет от нас, но на этот раз ненадолго и не куда-нибудь, а во Владивосток, учить вождению машинистов. И будет наезжать к Вам частенько, ибо в этом году планируется пуск электровозов. Переживает только, что знаний у него очень и очень недостаточно.

На дальневосточном журфаке одна из моих первых заметок была про машиниста Николая Пономаренко. Он в 1963 году привел первый исторический электропоезд во Владивосток. И в кабине, как я вскользь упомянул, было тесно от начальника.

Не мог же я писать про отца!

Мой герой-машинист хорошо помнил своего учителя и говорил об отце теплыми незатертыми словами. А я помнил, что в репортаже для партийной газеты не должно быть ничего личного. И расспрашивал Пономаренку совсем о другом. О горизонтах электрификации, о повышенных обязательствах к съезду КПСС...

Я, как и отец в шестьдесят третьем, стоял в кабине рядом с Пономаренко, когда перед станцией «Амурский залив» когда наперерез попер, вспахивая землю, истребитель. Настоящий, с красной звездой на хвосте. Очевидно, он не смог взлететь с аэродрома, скрытого насыпью, и неся в клубах пыли прямо на электричку. И зарылся носом в землю в полусотне метров от нас.

Пономаренко метнулся к рации, но в следующую секунду передумал: «Нельзя в эфире!» А я метнулся к блокнутому, торопливо записывая дрожащим карандашом хронику аварийного тикировщика. Враз забыв, что никто и никогда не напечатает этот мой лучший в жизни репортаж...

Редакция бесхитростно назвала его «Машинист». Конечно, в нем не было про истребитель. Необыкновенное приключение я самонадеянно списал на свою репортерскую удачливость. И забыл про него. Только сейчас я понимаю, что сногшибательный сюжет подарил мне отец. Кто еще мог так гроссмейстерски все рассчитать?!

Великий дока по части зачетов, экзаменов и прочих студенческих передраг, он волновался из своего далекого далека за мою газетную практику...

14 октября

Саша ездил на охоту, выбрался, наконец. Уехали они в субботу, а к ночи закрутила

метель, снег с дождем и ветер штурмовой, такой, что валились столбы и деревья. Я всю ночь не спала. Слушала, как стучат окна да воеет ветер. Утром вся земля побелела, а ветер сбивал с ног. Наконец в два часа дня приехали, мокрые насквозь, добирались со всякими приключениями. Уток, конечно, не привезли, а привез громадную щуку.

В этот же вечер пошли к Постолам, праздновали день рождения Г. С. Вина на столе не было, так как Саша в ночь ушел дежурить. Ведь этим ураганом повалило столбы и порвало связь. Целые сутки не ходили поезда, а света в городе и до сих пор еще нет. В общем, поохотился...

18 октября

Вчера ходили к Постолам купаться: у нас труба прогорела. Сара Абрамовна все болеет: не встает, сильная слабость, зуд и отеки лица и пр.

Саша так расстроился, что дома ходил потом сам не свой и спать не мог...

Теперь я знаю, откуда жила в нем эта тщательно скрываемая нежность к матери. У них были тайны, в которые они никого не пускали. Наверное, даже тебя. Тайна октябрьской ночи 1937 года, когда на Рафаиловский, 4 пришли за Моисеем. Тайна фотографий, спасенных бабой Сарой, с родными лицами «белоэмигрантов»...

Об этом баба Сара и отец могли говорить только наедине. И он, конечно, знал о матери то, о чем не подозревали ни Наташка, ни я, вечно раздраженный ее хлопотливой назойливостью. И о чем никогда не упоминала ты.

Он знал, каково жене врага народа жить и поднимать сына. И чего стоило в стране, охваченной доносами, не предать.

Баба Сара официально расписалась с Григорием Постолам лишь после того, как получила свидетельство о смерти мужа.

Через двадцать лет после его смерти...

21 октября

Игорек наш занимается музыкой с удовольствием, но к обеду отказывается идти в д/сад, хотя там есть договоренность. Оказывается, дети его там дразнят: «Занимаешься музыкой, как девчонка».

В последний раз вместо сада пришел ко мне в поликлинику, развел слезы и остался дома. Сидит, песни поет да рисует. Да еще заявляет: «А при коммунизме будет как: захотел пошел в сад, захотел не пошел?»

Говорю ему, что таких, как он, при коммунизме не будет. «А что, ради коммунизма и будут ходить?» Вот так-то.

Твоему неугомонному ренегату шесть лет. Но едва ты, защитив светлое коммунистическое завтра, отправишь это письмо, как по коммунизму будет нанесен сокрушительный удар: двадцать второго октября 1962 года президент Кеннеди объявит американскому народу о русских ракетах на Кубе, и мир оцепенеет в шаге от ядерной войны. Тринадцать дней голубой шарик колотился в гибельной лихорадке. Карибский кризис...

Я еще не пошел в школу, а надо мной уже промелькнули Гагарин и Титов, XX съезд, тень третьей мировой войны. Не соскучишься! В этом времени не стало меньше, чем прежде, крови, несправедливости и вранья. Но чего в нем не было точно, так это застоя. Для тебя, так торопящейся жить, это лишь медицинский термин.

17 ноября

С ординатурой у меня явно вытанцовывается, служба ко мне благоволит. Но, говорят, Г. С. с ординаторами зверствует: заставляет не просто читать, а конспектировать. Что я буду делать с детьми, не знаю. Потребуется и Ваша помощь, мои дорогие. Ведь у нас в семье будет четыре ученика.

С отпуском пока подожду, уже и год кончается, зато на будущий год возьму два месяца: то-то будет благодать. Поедем с Сашей на запад. Ведь я не была на западе с 1958 года. Так хочется, просто пяточки чешутся.

27 ноября

Здравствуйте, дорогие наши!

Получили от Вас посылочку с чудесными книгами, с крепделином и капроном, а также и с кошельками. Большое спасибо. Детям особенно понравилось, что в кошельках лежит по рублю. Игорь, недолго думая, побежал и купил ирис «Золотой ключик», и вместе с Наткой они его съели. Теперь он предъявляет претензию мне, что не удержала его от безрассудной траты, и ей за съеденные ириски. Она предлагает ему коктейль в гастрономе, но он его не любит, пирожное он не хочет и т. д.

Это были не просто рубли. Железные! Как не потратить...

1963 год

9 января

Пятого января мы с ребятами ходили на елку во Дворец спорта, куда Саша достал два билета. Наташа была в своем костюме Снегурочки, а Игорю я с вечера сделала костюм «Мир». У Сары Абрамовны с 1954 года хранился голубь от Бориса, набитый ватой, пришитый к ленте через плечо. На ленту я наклеила слово «Мир». Игорек надел шапочку с шарфом, свой синий шерстяной костюм, белые туфли, ленту с голубем и неожиданно получил на елке во Дворце спорта второй приз — капроновую собачку. А первый достался «космонавту».

Вспомнил сегодняшние елки... Все-таки жаль, что уже никогда не вернутся ваши новогодние приоритеты — космонавт, голубь, мир.

Саша всю эту неделю жил на II Хабаровске и ночевал там же, им дали вагон. Причиной же были сильные снегопады, затем метель и пурга. А вчера уехал в командировку в Облучье. Вот тоже должность себе выискал. Кстати, снова начал курить.

16 февраля

Здравствуйте, дорогие наши!

Вчера приехал Саша. Он так всегда внезапно уезжает в командировку к Вам, что я решительно ничего не успеваю послать или купить. А от Вас он привозит регулярно, большое Вам спасибо. К гречневой крупе особенно тяготеет Натка, в прошлый раз нам ее хватало ровно на два дня. Собственно, в этот раз она съела подряд три яйца, которые Вы дали Саше на дорогу. Видимо, бабушкино все вкуснее...

На все Ваше внимание надеюсь ответить, когда поеду в отпуск. Сейчас я стала старше, немного умней и деньги буду тратить, конечно, с большим толком, чем я делала это раньше. Я уже потихоньку мечтаю о том, что я Вам куплю. Папе писательский шлафрок на вате и теплую обувь, а маме фуфайку, теплые чулки в резиночку и т. д. Уж, наверное, в Риге-то это найдется.

Писательским шлафроком ты загнала меня в тупик. Дипломированного филолога! Пришлось лезть в словари. Оказалось, «длинный домашний халат, подпоясанный обычно витым шнуром с кистями...» Ты собиралась навесить кисточки на нашего сурового деда Симу?!

22 февраля

Саша вчера сдал очередной экзамен, как-то ухитряясь пока их «толкать». Правда, в отличие от предыдущих, получил «тройку». Причем между ним и преподавателем произошел такой диалог: «Вы знаете, к сожалению, ваши знания я не могу оценить иначе, чем удовлетворительно». — «Вы знаете, я сам оцениваю их гораздо ниже...» В общем, полное взаимопонимание...

31 марта

Меня здесь хотели послать в командировку в Биру, да я отговорила. А теперь жажду и в следующий раз не откажусь. Больница там та же, что была при дедушке, дом стоит тот же, где мы жили, и парк напротив тот же. Я уж все тут порасспросила.

Отец мне часто говорил: не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. А я, конечно, пропускаю мимо ушей. Иначе расспросил бы бабу Варю про твоего дедушку Павла Евстигнеевича Шалаева. И деду Симу про Ленина. И отца про Моисея.

Драгоценные семейные тайны... Скупными и ничемными они кажутся в детстве. Настоящие тайны — в зачитанных до дыр «Кортике» и «Острове сокровищ». Вот уж их-то не отложишь на завтра.

Это я так, мама, к слову. Просто очень жаль, что тебе больше не предложат командировку в детство.

22 мая

19 мая в воскресенье был пионерский праздник. Наташа ходила на парад в пионерской форме с белой пилоткой на голове. Под белую блузочку мы одели фуфайку, и было очень хорошо, и тепло, и красиво.

Саша с Игорем пошли смотреть парад. Но затем их соблазнил Севастьянов поехать на Хехцир к нему на дачу, они прибежали стремглаз домой, нахватили еды, погрузились в такси и уехали все трое на такси на поезд.

На такси! На поезд!!

Я им компанию не составила, так как у меня варился обед. Вернулись они в 11.30 ночи, усталые, но весьма довольные. Навалились на блины, которые я настряпала, и улеглись спать. День был теплый, бегали там босиком, видели змею, привезли букет цветов. А Игорь даже ухитрился свалиться в

погреб, к счастью, на Севастьяновского деда, и все остались живы-здоровы...

Отец скрыл подробности, а то бы не хихикала. На меня рыкнул огромный волкодав, бродивший по двору, после чего я кубарем катапультировалась с крыльца в сени и дальше — никто и глазом не моргнул — в открытый погреб, где дед набирал закуски. И с размаху шмякнулся к нему на спину, а иначе бы ноги переломал.

Странно, я читаю твое письмо и чувствую гольми коленками эту теплую широкую спину, и слышу громкий хохот мужиков, и даже вижу банки с помидорами, которые дед доставал потом из погреба...

Память странно избирательна. Я помню маленький якорь на твоём красивом синем платье. И каждую из стеклянных игрушек, которые мы вешали на елку. Но много лет пытаюсь и не могу вспомнить твой голос.

11 августа (после отпуска)

Саше дали премию семьдесят рублей. Если бы не ремонт, который мы затеяли, то со скрипом дожили бы до первой зарплаты. А так он истратит их на ремонт, да еще добавит из кассы взаимопомощи: краска тоже ведь за наш счет. В общем, ремонт обойдется рублей в сто. На летучем семейном совещании, где повестка была: «Как прожить месяц», Саша посоветовал экономить на еде. Спрашиваю: не покупать сахар и масло? Нет, говорит, не покупай мяса; варили же в войну постные супы... Ладно, говорю, а будете ли вы их есть, вот вопрос.

На фотографии 1936 года, сделанной в Рафаиловском переулке, мой маленький лопоухий отец сидит за столом рядом с родителями. В комнате скромная, почти спартанская обстановка; они не жировали до ареста Моисея, тем более после конфискации имущества, обязательной для осужденных по 58-й статье. А когда началась война, отцу было 13. В этом возрасте непрерывно хочется есть; потому постные супы и запомнились...

Только сейчас понимаю, как недалеко и от моего детства война. Каких-то двадцать лет до Курской дуги.

20 августа

Игорек занимается музыкой не без успеха: сегодня вот получил четыре.

От его приобретенной у вас летом заоснотности и сомнения ничего не осталось. Мальчик как мальчик. Требуется только постоянно от меня «торта» на сгущенном молоке из пряников, любимое его кушанье. Если отговариваюсь экономией, начинает молчаливо лить слезы. Через десять дней идет в первый класс.

23 октября

Здравствуй, дорогие наши!

Итак, началась моя ординатура. Работаю я сейчас в детской туберкулезной б-це и буду здесь до Нового года, после чего перейду в инфекционную б-цу на медгородок (это другой конец, но тоже далекий). Веду пока четырех больных: с гидроцефалией и атрофией зрительных нервов после туб. менингита, с диссеминированным туб-лезом легких, где уже цирроз с подозрением на туб. менингит и с туб. бронхаденитом. В общем, все формы. Читаю много, начинаю уже познавать детский туберкулез...

Много здесь трагедий, много тяжелого. Много нанайских детей с запущенными формами.

Первый экзамен у меня пятнадцатого ноября. Пишите, что же Вы? Вы же не приходите клинич. ординатуру!

31 октября

На базаре нет ни молока, ни яиц, а часто и творога со сметаной. Не говоря уже о том, что картошка двадцать один рубль за куль. Молоко исчезло якобы в связи с болезнью коров ящуром. Совершенно нет ни рожек, ни печенья.

«Нет», «не», «ни»... — кукурузная эпоха выходит на финишную прямую. Никита Сергеевич Хрущев выполнил свою миссию на Земле — реабилитировал сталинских заключенных и разрешил напечатать «Один день Ивана Денисовича». Я, первокурсник, все еще мечтаю увидеть Хрущева наяву, но о нем уже травят на каждом углу анекдоты — верный в России знак, что дни правителя сочтены. Уже снимает «Добро пожаловать,

или Посторонним вход воспрещен», развешивая царьцу полей, режиссер Элем Климов.

Уже Фазиль Искандер читает друзьям главы из «Созвездия Козлотура», разрывающие от смеха страну...

Всего через год на смену Хрущеву придет новый, уже второй в моей маленькой жизни, реформатор. Дорогой Леонид Ильич Брежнев...

9 ноября

Здравствуй, дорогие наши!

Прежде всего, дорогие, спасибо Вам за чудесную праздничную посылку. Все пришло очень кстати. Наташа шеголяет в новом платье. Оно ей как раз, вот растет девчонка! Игорешина рубашка уже в стирке, так как он в ней вступал в октябрюта. Я сразу вошла в новую комбинацию. У меня их всего-то две сейчас приличных и есть. Остальные уж пора в утиль. А в б-це ведь мы переодеваемся, там нельзя в плохих ходить.

Саша от носков в восхищении, был на праздник в них, а вчера даже попросил постирать и вновь надел.

Катер у Игорька находится в постоянной эксплуатации, Саша его уже раз шесть чинил, вплоть до смены батарейки. Удивляюсь, на какие руки он рассчитан, уж, во всяком случае, не на детские. Морская азбука, вложенная в коробку, сыграла ту роль, что они с Наташей уже несколько дней пишут друг другу письма, рисуя флаги.

Это морские сигнальные флаги, применявшиеся еще во времена Российской империи. Октябрат учили гордиться Военно-морским флотом и героями Родины. И ведь хорошо учили, если до сих пор перед глазами лицо расстрелянной комиссарши из «Оптимистической трагедии». Актрисы Маргариты Володиной с трогательной родинкой на правой щеке, которая на всю жизнь врзалась в память мальчишке...

Кстати, мама, твои романтические вздохи по bravому лейтенанту с «Гижиги» — тоже из детства. Как бы Танечка Терешенкова ни убеждала себя, что она совсем взрослая!

ТАНЯ ТЕРЕШЕНКОВА: СОПЕРНИКИ

Из студенческого дневника

1 декабря 1949 года

Жизнь течет, как по масляной дорожке. Иногда вдруг всколыхнется душа, почувствуешь счастье жизни до мельчайших фи-

бров сердца и, кажется, птицей бы взлетела к холодному зимнему небу. Или запела бы песню об этих снежных деревьях, похожих на цветущие вишни, об этих чудесных, ве-

сельх студентах, о том, что дома есть папа и мама, что у меня есть тот, кто ночами думает обо мне, расхаживая по капитанскому мостику, и о том, что впереди счастье!

7 января 1950 года

Экзамен сдаю через пять дней. А потом — домой. Но учить прямо невозможно. Если не учишь, камень на плечах, места себе не находишь. А сядешь за книгу, так и тянет пойти куда-нибудь, что-нибудь сделать, но только не учить. Прямо не знаю, как и быть. И Саша второй день не звонит...

16 ноября 1963 года

Вчера звонил из Владивостока Саша. Он, кстати, поехал к Вам в плохой и легкой одежде специально, чтобы можно было лазить под электропроводами. Даже плащ надел старый. И мерзнет, наверно.

Он мне, между прочим, дома тут помогал. Посуду помоев, кровати уберет, даже замочет иногда. Так сказать, не в пример некоторым мужьям, утащуюся жену жалеев и поддерживает...

25 ноября

Игорек принес пятерку за диктант. Видимо, играет роль, что он много читает, потому грамотно пишет. А вот по письму за грязь принес первую двойку. Страшно расстроился. И С. А. меня отругала: «Не делайте из этого погоду! Подумаешь, двойка, событие какое!...»

Мне ты этого не передала. А я не подозревал, что назойливая баба Сара — на моей мальчишеской, заляпанной кляксами стороне. Я много чего не подозревал...

В 1921 году Моисей вернулся в Томск из сытого Харбина, где жили отец и братья, где процветал их семейный бизнес и никто не выслеживал врагов народа. Вернулся, чтобы продолжить учебу, как сам показал на допросе. Но Моисей мог бы учиться медицине и в Льеже, вместе с Борисом и Полиной. Не захотел...

Страх потерять Сару был сильнее страха за свое будущее. Может быть, даже сильнее страха смерти. Я не вижу другого объяснения безрассудному возвращению белоэмигрантского сына в Россию, где бесновалась гражданская война. Моисея неотвратимо тянуло к Саре...

А его брата Льва — к харбинской бесприданнице Блюме Штейнер. А Сашку — к тебе.

Семейные истории никогда не повторяются в виде фарса. Они возвращаются упрямством правнука, унаследованным от прадеда; поворотом кудрявой головы Мусика Коца, который на детских фотографиях вылитая Наташка; невозмутимым юмором моего сына Сашки, неуловимо похожего на моего Сашку-отца. А иначе и не должно быть. Если совсем ничего от них, далеких, не останется нам, то зачем тогда они жили? И как нам самим становиться лучше, если не знать про них самого главного? Что Моисей никого не предал на допросах. Что баба Сара не предала его. Что деда Сима, успешный писатель-орденоносец, до самой смерти мучился от недовольства собой. Как нам повезло с твоими письмами...

1964 год

25 января

У Саши вчера была неприятность на дороге: по Сучану упал на бок паровоз, машинист и кочегар выпрыгнули, а помощника придиавило и обварило, умер. Вина, кажется, падает на движенцев, вроде не сделали перевода стрелки. Саша уже там...

11 февраля

Вчера вечером Игореша, придя из школы, приступил ко мне с вопросами: были мы или наши родные и знакомые на войне? Им, видите ли, предложили у такого бывалого солдата взять интервью и назавтра в классе рассказать. Отвечаю ему, что нет, не были, и нет таких знакомых. Он расплакался и ревел полчаса. Я уж звонила Саше, он говорит, что кроме Сони (их секретарь-машинистка) других знакомых, которые воевали, нет. Игорь сквозь слезы отверг ее, так как ему нужны были мужчины. Горько рыдая, он сетовал, что назавтра получит в школе двойку. На все доводы и убеждения только громче ревел. Поставила ему термометр, температура нормальная. Заглянула в горло, а там ангина.

Уложила в постель, скормила полбанки сгущенного молока, после чего инцидент с войной был исчерпан...

Отцовский 1927 год не успел на фронт. Хабаровскую школу военных техников отец закончил в 1945-м, и то, что его паровоз возил грузы для японской операции Красной армии, — конечно, не в счет. Я мог бы гордо рассказать одноклассникам о деде-фронтовике Моисее, который послужил еще в гражданскую и у белых, и у красных; дед наверняка пошел бы на Отечественную, он

даже родился двадцать второго июня, и в характере его был стержень. Но его война закончилась двадцать первого января 1938 года в подвале НКВД. Он принял пулю (в затылок? в сердце?), не отдав следователю Новикову ни пяди своей честной короткой фамилии. Вот только писать про эту войну в 1963 году могли уже Солженицын и Шаламов, но еще не ученики первого класса «Б».

А слезы мои были искренними, ангина здесь ни при чем. Война сидела в наших мальчишеских головах. Она была не только в книжках про пионеров-героев, зачитанных нами до дыр. Мы с ней встречались каждый день на улицах, даже не задумываясь об этом. Теперь я понимаю: от ховивших по этим улицам фронтовиков исходило смолистое тепло тесных печурок, и махорочный дымок их окопной дружбы незаметно растворялся в наших прокуренных дешевых «Прибоем» дворах. Фронтовикам в этот год всего сорок лет....

17 февраля

Здравствуйте, дорогие наши!

На той неделе, в пятницу, я сдала экзамен. Пиотрович остался доволен, даже похвалил. Обидно только, что совсем не спросил микробиологию, а я ее больше всего и учила. Теперь на очереди коклюш, полиомиелит и в/оспа. А день он назначил сам, «Касьянов день», двадцать девятого февраля.

И с первого марта я ухожу в «дизентерию» на три месяца. Сдав зачет, я провернула грандиозную стирку, и сейчас в плену у утюга...

А вот у Саши на работе неважно. Севастьянов похудел, позеленел, принимает, видимо, все близко к сердцу. Рассказывает, что делают они на дороге колоссальную работу, но план (который они, кстати, сами себе навязали) превышает сделанное, а тут мешают сильные морозы в феврале. Говорит, что с такой нагрузкой сейчас не работает ни одна дорога, потому что везде перевозят уже электровозами, а тут еще паровозы, а план один. В общем, им достается.

Саша мечется между институтом и работой. Вот и сегодня с утра был в институте. Затем заехал, пообедал и уехал на II Хабаровск погонять Волошина (не помню, писала ли, что Петр стал начальником депо). А на улице мороз -29 да завывает ветер...

26 марта

Собирался здесь съезд ремонтников, вновь съезжались все друзья и, конечно,

один вечер были у нас, ночевали. Пришли домой, а у меня все булькает и кипит, ничего не готово. Они все выстроились на кухне и принялись помогать, кто редьку трет, кто винегрет чистит, кто картошку, а кто подает реплики в виде моральной поддержки. В общем, за час все было готово. Посидели, поели, попили, попили и разошлись не раньше, не позже, а в час ночи. Показатель того, что было весело. Это неплохо — изредка собирать друзей.

Татауров с отцом дружили с военных лет, Бланков — со студенческих, Волошин — с деповских. Когда они собирались вместе, то становились озорными пацанами. Я часто не понимал их шуток, но чувствовал, как им классно просто видеть друг друга...

Реже приходили деповские охотники-машинисты, огромные и очень стеснительные мужики. Было так приятно позвонить и пожимать им руку. И однажды услышать: «А лапа у Игорехи будет здоровенная. Как у отца!» Вы не могли подарить мне своих друзей. Зато научили дорожить каждым пожатием лапы друга. Когда я узнал, что в хабаровском архиве лежат документы БРЭМа о прадде Михаиле (харбинское Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии было создано в 1934 году), я позвонил друзьям. Сашке Бланкову и Шуре Вишневскому; с матерью Вишни ты училась на одном курсе мединститута... И они в четыре руки, как картошку в нашей студенческой юности, много часов очищали от шелухи, переписывали десятки бесценных для меня страниц — доноссы на прадде в японскую охранку, анкеты, справки. А потом неумело, одним пальцем перепечатавали начисто свои неисправимые каракули...

Сколько людей, столько и ответов на вопрос: что такое дружба? Ночные посиделки на кухне. Подъем в одной связке на вершину. А для меня это чистый зал хабаровского архива: две знакомые спины, сгорбившиеся над столом, и две сосредоточенные родные рожи.

3 апреля

Саша с 1/IV не работает, готовит диплом. Уходит к восьми утра в институт и приходит к десяти вечера. Первое время даже обедать не приходил. Но потом оказалось, что такой темп он выдерживать уже не в состоянии. Стал предъявлять всякие жалобы, то глаза режет, то уши закладыва-

ет, то голова кружится. Конечно, сразу дал такую пиццу мозгам! Накупила я лимонов, убедила ходить домой обедать.

1 июня

Здравствуйтесь, дорогие наши!

За эти дни столько было событий, что я никак не могла сесть, чтобы написать. Главное, что мешало, это, конечно, подготовка к моим экзаменам, которые я и сдала тридцатого на «отлично». Пиотрович выставил мне пятерки и за все предыдущие зачеты, и я с инфекциями, т.о., покончила. Сегодня вот первый день работала в поликлинике, в ревматологическом кабинете.

А Саша наконец-то заканчивает диплом, засадил и меня, в воскресенье полдня писала ему титульный лист тушью. Нарисовала там симпатичный электровозик тушью же (Игорь даже решил, что это фотография).

На отцовском бронзовом бюсте Волошин тоже нарисовал электровоз. Выходит, это ты попросила. Бюст в начале 2000-х годов своротили и унесли с кладбища божжи. Тогда я заказал новый памятник. Отец на нем совсем молодой, в форменной железнодорожной тужурке. Мне кажется, он был таким в самые счастливые годы вашей любви. Я попросил гравера выбить твой электровозик на плите.

8 июня

У нас уже неделю идут дожди, правда, не обильные, но частые. Дети сидят дома, играют в лото с соседскими ребятами, только перестает дождь, бегут на улицу и всю грязь несут домой. Игорь приспособился бегать стрелять в тир. Тир расположен около цирка. Конечно, в цель он почти не попадает, а деньги (три коп. за выстрел) выбрасывает регулярно. Отец это поощряет, как и прогулки сына за пределами ГУПРа, против чего я восстаю.

Деревянная конурка-тир, как же тебя забыть! После точного выстрела крылья мельницы бешено крутились, а у клоуна с головы слетал черный котелок. Туда и впрямь далековато было идти вдоль зловецкой Чердымовки.

В год, когда ты пишешь это письмо, она прославилась на весь Хабаровск: после фильма «Спартак» здесь развернулись эпические битвы чердымовцев и гупровцев, живших по разным берегам полузасыпанной зловонной речушки.

Было не меньше пятисот гладиаторов с каждой стороны, вооруженных мечами, щитами и дубинами. Я тоже выстругал меч из ящика, затыренного возле магазина. И познал упоение в бою, когда мы лавиной, с вытаращенными глазами неслись в атаку. В первый день навстречу войскам выскочил из барака миротворец, пьяный мужичонка с ружьем. Но гладиаторы принялись скандировать: «Дурак! Дурак!», и миротворец отступил. А на второй день восстание разогнала уже милиция.

Тир, из-за которого вы ругались... Только сейчас я сообразил, почему так защищал меня отец: тир-то в двух шагах от Рафаиловского переулка, где прошло его детство. Он наверняка там тоже постреливал, и Моисей тоже выдавал ему медяки, и так же смешно сваливался черный котелок с головы клоуна...

15 июня

Саша закончил писать свой диплом, будет защищаться в восемь часов утра шестнадцатого, первым по очереди.

Я уже сбился: какой по счету диплом защитит завтра отец? Кажется, второй... Вспоминаю себя в тридцать шесть лет: какая учеба, какие дипломы?! Но он еще замахнется на третий...

27 августа

Отметили мои тридцать пять. Гости пришли все, с нами было двадцать два человека. Заседали с трех часов до одиннадцати вечера, в виде перерыва была прогулка на Амур, после чего, вернувшись, сели за стол и съели горячее. Было очень весело, шумно. Много танцевали, пели поменьше. М. Бланков фотографировал стол со всех сторон, в том числе, выбирая удобную точку, лазил на подоконник (а Саша кричал ему: «Чудак, ты зайди с той стороны окна!»)

Закуски готовили очень много, и все подчистили. А вот вино осталось. Горячее тоже ушло подчистую, а подавала я четыре громадных блюда солянки и карт. пюре с мясом. К чаю были два торта, кекс, конфеты, варенье, дыни. И тоже все съели. В общем, я осталась в сомнении: накормила я людей или они ушли голодными? Правда, опрос по телефону дал утвердительный ответ: говорят, до сих пор не могут отдышаться...

Кровати из спальни мы выносили, и там был танцевальный салон: я внесла туда кресла, затем расставила чемоданы вроде лавок и накрыла их ковром. И получилось очень

хорошо. Теперь ждите фотографий (правда, фотоаппарат Мишка Бланков благополучно забыл у нас на шифоньере...)

26 сентября

Пишу на дежурстве. Надо сказать, что таких беспорядков, как в этой, так сказать, «клинике», я еще не встречала ни в одной больнице. Стоит шум, гам, сутолока, как на захудалом вокзале. Я бы своего ребенка сюда ни за какие коврижки не положила. Голоса у няnek зычные, у сестер также. В моей палате одна тумбочка на девять детей, стульев пять, и так везде. Если и имеют дети культурные навыки, то, придя сюда, бесследно их теряют. Жаль, что мне здесь мучиться предстоит целый год. Болит и разрывается сердце за детей.

3 октября

Саша на днях уехал в командировку в Вяземскую, ничего не сказав мне, да еще пообещав прийти домой в 8 ч. вечера. Послал его неожиданно Севастьянов. Я провела кошмарную ночь, ни на минуту не уснула, обзвонила все телефоны, и никто ничего не знает. Интересно, что Севастьянова ночью дома не было.

В общем, проплакала я, простилась уже с Сашкой, а в семь утра вновь позвонила Севастьянову, узнала, что он в командировке. Сгоряча я наговорила ему кучу дерзостей, и теперь он, видно, сердится, с Сашкой отношения натянулись. Но ничего, перемелется. Я уже говорю Саше: пожинай, что посеял.

ТАНЯ ТЕРЕШЕНКОВА: СОПЕРНИКИ

Из студенческого дневника

23 июня 1949 года

Позавчера получила открытку от Виктора из Корсакова, занесла его туда его беспокойная судьба. А сейчас Мила Балашова стала говорить со мной о Саше, что он умница, способный, честный и веселый. В общем, необыкновенный парень. Это характерно, что его так уважают. Еще никогда я не слыхала, чтобы о нем плохо отзывались.

21 августа 1949 года

Иногда я представляю себе свою свадьбу: нечто блестящее, сверкающее, богатое и счастливое, залитое светом, звоном и музыкой. Я буду такой счастливой, он (кто он?..) — тоже. Мы будем задыхаться от нашего счастья, мы будем видеть только друг друга. Но кого я представляю на месте «его»? Сама не знаю. И что будет после свадьбы — не представляю. А ведь мне уже целых двадцать лет.

Я иногда представляю в лице того, кто будет стоять рядом со мной на свадьбе, кого-нибудь из ребят, влюбленных в меня. Но, странно, некоторых я сразу же отрицаю каким-то внутренним убеждением, а других — немного представляю. Я представляю Сашу, Виктора, даже Илью, но не могу представить Юру У., Толю Л., Яшу. Господи, и чего эти мысли лезут в голову? Подумаешь, достигла двадцатилетия!

10 ноября 1964 года

Праздники встречали у Постолов. Были Бланковы и Тагауровы, все с детками. Блан-

ковы, посидев немного, убежали: у Женьки два братца женились, и две свадьбы праздновались одновременно. От души нахохотались, так как мужчины вспомнили свою юность. Мишка Бланков принялся мериться силой с Борисом и, как ни странно, тот его победил. Затем принялся Мишку выпроваживать на свадьбу (он не хотел идти) и вынесли его чуть не на руках. Женька возмущалась, а мы катились со смеху. Детки же их ночевали у нас две ночи (подняли все дружный рев, и пришлось их оставить на ночьку).

Через сорок шесть лет я переслал это письмо Сашке Бланкову. Получил комментарий: «Знали бы они, что эти детки в то самое время, когда их родители безмятежно отмечали седьмое ноября, уже наверняка вели счет подбитым шарикам и лампочкам, и в эти нелегкие моменты их жизни у них появились подпольные имена «Веня и Костя».

Стреляли мы самодельными пулями из проволоки, которые с помощью пассатижей изготавливали в промышленных масштабах. Когда на углу Шеронова и Ким-Ю-Чена нас задержал разъяренный мужчина (мы только что расстреляли из рогаток гирлянду его разноцветных праздничных шаров) и потребовал имена, мы не сговариваясь назвали почему-то Костей и Веней. С тех пор прошла целая жизнь, нас разметало на десять тысяч верст, но ближе друга у меня не было и нет.

На пятидесятилетие (а ведь я тебе, мама, уже в отцы гожусь...) Сашка вручил мне пачку писем, которые я писал ему со студенческой практики в «Комсомолке». Сохранил... А потом подарил изящную шкатулочку и потребовал с трех раз угадать, что внутри. Я угадал с первого раза: это была проволочная рогатка, сделанная по классическим дворовым лекалам.

19 ноября

Здравствуйтесь, дорогие наши!

С удовольствием прочитала описание юбилея, на котором вы были. Вы молодцы, почему-то у нас, кроме еды и питья, да еще песен и танцев, на другое фантазии не хватает. Вспомнила я и папины телеграммы к Новому году. Надо будет и нам тут что-нибудь подобное придумать.

*Саше Коц из села Уська-Орочская
(Читать с нанайским акцентом)*

Саша! Ты, однако, чего не приезжаешь на охоту? Или жена не пускает? В прошлые разы, однако, увлеклись мы ласками, ничего не убили. Но я сбегала тут в тайгу, убила зайца. Тебе припасла, однако. Теперь приезжай. Мужскую силу привози с ночевкой, однако. А женке отвезешь зайца. Давай! Шурка Актанка

Я нашел тетрадку с твоими телеграммами. Отец будет разносить их, как почтальон, когда вы с друзьями соберетесь встречать 1967-й год. Потом вы повторите это в 1970-м... А теперь у тебя почтальоном я.

26 ноября

Игорек устроил бунт, не хочет больше заниматься музыкой. И я готова уж была сдаться. Но тут его неожиданно увлекло исполнение в четыре руки с Наташей «Персидского танца» Глинки, и он на время притих со своими претензиями. Я же слушаю, как они играют, да еще в четыре руки, и меня это радует и волнует... Играют дружно, чего-то там смеются еще. Погода у нас холодная, с морозцем, но ясная, без осадков. Амур весь во льдах, но льдины еще медленно движутся. Из окон клиники он весь, как на ладони. Игорек заявляет, что, когда на будущий год поедет к Вам, порасприсит деда, как он воевал в Гражданскую.

Не расспросил, дурак, ни тогда, ни позже. Идиотская стеснительность. Твоя, между прочим.

На Гражданскую деда Сима попал прямоком с Первой мировой, на которой оттрубил три года. И где увидел то, что дано разглядеть не каждому: «Недолговечные солдатские мозилки втягивались в землю, хлипкие березовые кресты хилились и падали; беспризорные лошади, еле влачившие ноги, собирались к могильным холмикам — трава на них была выше и сочнее, — но не паслись, а только стояли, понунив головы, пока не подкашивались ноги, и тогда они ложились рядом с теми, кто, быть может, задавал им корм и любовно расчесывал гриву...»

Домой, в амурское село, демобилизованный дед будет возвращаться через всю Россию. Сначала проплывет мимо теплушки Томск, где другого моего деда, студента Моисея, через год призовут в армию Колчака. Потом эшелон надолго застрянет в Чите, на ключевой развилке Гражданской войны, откуда уходила в Маньчжурию главная ветка харбинской магистрали. Может быть, это хорбинский поезд стоит под парами на соседнем пути, и мой прадед Михаил, навсегда покидающий Россию, мрачно смотрит на молоденького солдатика, бегущего за кипятком. А солдатик Ефим Терешенков через пару суток на амурской станции Бочкарево случайно столкнется с земляками из Дальневосточного социалистического отряда и пересядет в их эшелон. И в июне 1918 года примет бой с японскими интервентами под Спасском...

Что так властно определяло поступки людей в то пропахшее порохом лето? Революция? Рок? Но они развеи, казалось, навеки дороги моих предков. И если сегодня дороги снова сошлись, значит, было что-то сильнее революции и неизбежнее судьбы. Я, мама, кажется, знаю, что.

«В сумерках, когда возвращался домой, ко мне подошла белокурая, голубоглазая девушка в овчинном тулупчике, в больших лаптях, в белом платочке.

— Здравствуйтесь, Яковлевич!

— Здравствуйтесь.

— С приездом вас.

— Спасибо.

— А мы вас всегда вспоминали...

Это была, по планам матери, моя невеста, «сиротка, уважительная, работающая».

— Хорошо там, на Амуре?

— Нет... не очень... А здесь как?

— Тут совсем, совсем плохо. До свидания вам...»

Белоруссия, 1914 год, грустное свидание призывника Ефима Терешенкова на окраине села Прусино. За тысячи километров отсюда этим же грустным вечером бегают взапуски с уфимскими пацанами другой мой дед, пятнадцатилетний гимназист Миня...

Непреклонный Ефим не повелся на белокурую, голубоглазую — поэтому родилась ты. Влюбленный Моисей безоглядно рванул из Харбина к сибирской невесте — и поэтому родился мой отец. Первый дед почти полвека счастливо прожил с избранницей, второго разлучила с ней скорая и мученическая смерть. Но их обоих вела любовь. Значит, мы все не могли не встретиться.

8 декабря

Шестого декабря Саша (после ночного дежурства) повез с утра Игорешкину звездочку (четыре мальчишек, ибо пятый заболел) на экскурсию в депо (по рекомендации учительницы). Туда ехали на такси, там Саша покатал их на паровозе, а затем на тепловозе ехали со II Хаб-ка на I-й.

Приехали в восторге. Я их накормила, напоила. Затем Саша пошел на хоккей, а дети пошли гулять.

А утром седьмого Саша уехал вновь в командировку на Ин, он там сидит уже неделю вместе с большой комиссией: прикрывается паровозное депо, триста человек надо куда-то рассовать. А у них там у ста пятидесяти человек свои дома. Кто-то из них дал телеграмму Брежневу, и заварилась каша. Вот они там и трудоустраивают кого куда.

Триста безработных паровозников, каждый из которых был для отца своим. И они, конечно, считали своим вчерашнего машиниста. Конфликт интересов, сшибка... Еще триста ударов по сердцу, уже однажды пробитому.

21 декабря

Несколько вечеров подряд мы с Игорем делали ему ракету: сказали в школе, чтобы принесли свои поделки. Игорек выстругал из страшной палки лодку и собирался ее нести. Тогда я села с ним, и мы сделали замечательную ракету. Правда, львиная доля работы там моя, но он тоже помогал. Саша же по этому поводу прочел мне мораль, и мы чуть не поссорились. У него мнение, что ребенок должен делать именно сам без помощи родителей, пусть бы, мол, нес свою палку. А я говорю, откуда же у него появится умение, если не направлять его? Взял бы да помог его палку превратить в настоящую лодку.

Привела себя в пример: если бы в детстве мне не дарили без конца красивые альбомы да карандаши с красками, да не встречала бы я дома всевозможных репродукций, открыток да журналов «Юный художник» — навряд ли бы я сейчас умела так рисовать. А мы в этом отношении обедняем наших детей, вот они и не умеют рисовать, и не тянет их к этому. Или характер у них иной?

Я часто задумываюсь над этим. Нет в них той созерцательной вдумчивости, которая, помню, была у меня в детстве. Сравниваю и вижу, что мной занимались гораздо больше, чем мы занимаемся ими.

Не в этом дело, мама... Вы не занимались нами. Вы нас любили.

(Окончание в следующем номере.)

